ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ
МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ
НЕ ЛЕЗЬТЕ
В ДУШУ
К ПАЦАНУ

Владимир Григорьевич Колычев

Не лезьте в душу к пацану

Серия «Колычев. Мастер криминальной интриги»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874485
Колычев В. Г. Не лезьте в душу к пацану: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54272-7

Аннотация

Для Семена Купчинова, широко известного в узких кругах как Сэм, настало время перемен. Страна вступила в лихие 90-е годы, и каждый встал перед выбором – чем ему заниматься в этой совершенно новой и не вполне понятной жизни. Сэм свой выбор сделал. К этому времени он стал успешным и удачливым «бригадиром», возглавив волынскую преступную группировку. Дела у него идут всем на зависть, он имеет реальный вес среди московской и подмосковной братвы. Но рвется всегда там, где тонко, – а тонко у Семена в личной жизни. Он никак не может разобраться, кто ему ближе и милее – Наташа или Джема. И эта проблема обостряется настолько, что между двумя молодыми женщинами разыгрывается кровавая драма…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 18
Глава 3 34
Глава 4 45
Глава 5 60
Глава 6 71
Глава 7 85
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Владимир Колычев
Не лезьте в душу к пацану

Глава 1

Время идет – люди меняются. Совсем недавно самодельная джинса шла нарасхват, а сейчас – так себе. Плановая экономика развалилась вместе с Союзом, в стране дикий капитализм, границы открыты, и такое понятие, как дефицит, уже вытеснено из торговли мощными потоками зарубежного барахла. «Челноки» везут в Россию джинсы из Польши, Румынии, более солидные предприятия гонят товар из Штатов. Но еще остались кооперативы, которые шьют эти вещи на месте.

Семен Купчинов хорошо помнил те времена, когда с полсотни джинсов можно было толкнуть за один день. А сейчас за счастье с десяток продать. И кожаные куртки расходятся не очень, потому что такого добра валом – и фирменные вещи над прилавками развешаны, и самоделок хватает. Да и цены уже не те, что прежде. Рынок насыщен, предложение превышает спрос, поэтому сверхприбыли остались в прошлом. С одной точки распродать товар уже нереально. Но у Семена несколько таких мест, разбросанных по всей барахолке. И каждый такой прилавок под наблюдением…

Апрель месяц в Москве, уже не холодно, хотя до настоящего тепла еще далеко. Ветер гоняет по небу тучи, срывает с них капли дождя, стылой своей рукой забрасывает их за шиворот. Но людей это не пугает. Они толпами бродят по рынку – присматриваются, прицениваются, торгуются, покупают. Деньги переходят из рук в руки, оседают в карманах торгашей, и не всех этот факт оставляет равнодушным – где-то рядом кружат жадные до поживы люди…

– Сэм, на Бюргера наехали!

Ян запыхался, пока бегом продирался через толпу. Но усталости нет, и желания слинять – тоже. Он повел Семена к прилавку, за которым торговал Саня Хофманн, обрусевший немец по кличке Бюргер.

Случилось то, что и должно было случиться. Местные волки наехали на такого же волка, но в овечьей шкуре. С лесным зверем хорошо справляются волкодавы. Но Сэм не был чьим-то боевым псом. Он сам по себе. Он такой же волк. Молодой, но матерый. И вожак волчьей стаи.

Лысый амбал в кожаной куртке держал Бюргера за грудки. Двое на подхвате. На шухере никого нет. Разумеется, ведь на этой барахолке ивановская братва властвует безраздельно.

Это не восемьдесят девятый год на Рижском рынке, где балом правила и люберецкая братва, и солнцевская, и долгопрудненская. Там без оглядки на торгаша не наедешь, там озираться надо было, чтобы не нарваться на ответную грубость. А здесь у рынка один хозяин, и у него монопольное

право стричь купоны.

Бюргер заметил Семена, пацанов, что шли за ним. Дернулся, что-то сказал амбалу, и тот нанес удар. Вернее, попытался боднуть Бюргера головой. Но тот подставил под удар свой лоб, и амбал, разжимая руки, с воем шагнул назад. Сейчас он оклемается и снова набросился на Бюргера. А его дружки уже готовы обрушить на него всю свою мощь. Но Семен уже близко.

– Я не понял, что за дела? – громовым голосом спросил он.

Амбал в замешательстве глянул на него, тухнущим взглядом обвел его бойцов. А Семен взял с собой самых-самых. Рослые у него ребята, объемные, в общем, смотрятся очень внушительно.

– Это я не понял! – возмущенно протянул амбал, потирая набухающую шишку на лбу. – Кто такие?

– Волынские. Это наша точка, – кивком показал на Бюргера Семен. – И вы на нее наехали.

– Это наш рынок. На кого хотим, на того и наезжаем. Если это ваша точка, то вы за нее должны платить.

– Дело не в том, – покачал головой Семен. – Дело в том, что ты пацана моего ударил. А я за своих людей спрашиваю. И с тебя спрошу… Кто у вас тут старший?

– Я старший.

– Тогда собирай толпу. Через три часа, за этим рынком. – Семен показал в сторону одного из двух заводов, между ко-

торыми размещалась барахолка.

В той стороне, куда он показал, за штабелями железобетонных плит находился пустырь. Место безлюдное и спрятанное от посторонних глаз.

– Что-то я не понял, какая толпа? – заметно растерялся амбал. – Кто вы такие?

– Тебе же сказали, – мы волынская братва. Мы сюда работать пришли, а вы нам помешали, – небрежным тоном произнес Семен. – Мы с вас за это хотим спросить. А с тебя, лысый, я за своего пацана спрошу… Ну, чего стоишь? Времени у тебя в обрез. Если через два часа толпу не соберешь, мы тебя иметь будем. Вместе с твоим рынком…

– Ну, ты, мужик, в натуре попал! – взвыл от возмущения амбал.

– Время, лысый, время, – с непроницаемым лицом смотрел на парня Семен.

Двадцать два года ему всего. Но в жизни он уже многое повидал. И с люберецкими воевать приходилось, и вместе с ними против долгопрудненской братвы ходить. Бизнес делал, самодельной водкой торговал, из-за чего и схлестнулся с блатными. С оружием на воровских пошел, но менты этого, увы, не оценили. Были следствие, суд, приговор, три года общего режима. От «звонка» до «звонка» срок отмотал, вернулся домой – а тут расцвел рэкет. И масштабы уже совсем другие. Но у него бригада. И швейный кооператив никуда не делся. А еще он банкира поимел – крупного, но с мелкой

душонкой.

Кооператив и банк – это деньги, так что с финансами у него без особых проблем. Но важнее всего люди, и каждый человек для Семена на вес золота. Уже сейчас у него под рукой тридцать отборных бойцов, но это еще только начало. Спортзал у него свой, люди его знают, верят ему, поэтому он может позволить себе выбирать. Три десятка бойцов у него в штате и еще дюжина на испытательном сроке. А отбор продолжается, и, если будет нужно, он сможет довести свою бригаду до сотни человек. А это даже по нынешним меркам очень серьезный уровень… В общем, есть с чего начать борьбу за свое место под солнцем. Впрочем, борьба эта уже давно идет…

* * *

Приятный полумрак, мягкая музыка, шампанское, черная икра. Колян сидел на мягком диванчике и с барской небрежностью обнимал роскошную диву в коротком платье из черного бархата. Во всем этом он видел иронию судьбы.

Лет семь-восемь назад он часто бегал в кулинарию возле своего дома. Там выпекали чудесные заварные пирожные. Тогда Колян очень любил сладко поесть и в свои пятнадцать лет весил под сто килограммов. Он и сейчас, в свои двадцать три года, весит столько же, но нынче его мышечная масса несопоставимо преобладает над жировой, а тогда все было

наоборот. Потому и посмеялась над ним девчонка из соседнего двора. Нет, она не хохотала, не тыкала в него пальцем, просто обидно усмехнулась, глядя на него. А она красивая была, эта девчонка, с пышным розовым бантом на русой косе, в белых гольфах на длинных тонких ножках…

Отчий дом его находился рядом со столовой, в одном здании с которой и кулинария была, и закусочная. С тех пор многое здесь изменилось. Столовая в ресторан превратилась, а кулинария – в кабинет, где сейчас и заседал Колян, он же Коля Фугас, гроза и гордость всей округи. Но ирония заключалась еще и в том, что та самая девчонка из кулинарии находилась сейчас в его объятиях. И он запросто мог завалить ее на диванчик. Кто бы мог подумать, что эта пай-девочка из соседнего двора станет валютной проституткой?..

– А ты не помнишь меня? – с вальяжностью крутого авторитета спросил Фугас.

– Ну, я знаю, кто ты такой…

Веронике лет двадцать, она молодая, но пробы ставить уже некуда. Прожженная путана, вульгарная, но красивая и сексуальная. Не зря она двести баксов за час берет. Хотя Коляну она обойдется бесплатно, потому что с сегодняшнего дня будет работать под его крышей.

– Ты Фугас, тебя на районе все знают, – изящно выпустив изо рта тонкую струю дыма, сказала она.

– Это наш район. И ты жила в девяносто третьем доме.

– Да, жила.

– А я жил в девяностом пятом…

Он рассказал ей, как стоял в очереди за пирожными, как она обидела его.

– Да? Это ты был? – натянуто улыбнулась девушка.

Возможно, Вероника даже не помнила тот случай, но обстоятельства вынуждали вспоминать. Или врать, если с памятью что-то стало. Все-таки Коля Фугас – крутой бандитский авторитет, и весь район у него под пятой. И совсем неважно, что район этот небольшой.

– Лишний вес у тебя был, да?

– Что-то типа того… – кивнул он. – Я же тогда ушел из очереди. Обиделся и ушел… На себя обиделся, не на тебя… В секцию бокса записался, качаться начал… А так, может, и был бы толстяком, если бы не ты. Сидел бы сейчас дома и сопли жевал…

– Но ты стал знаменитым Колей Фугасом, – улыбнулась Вероника. – И этим обязан мне…

– Точно, тебе обязан. Хочешь знать, как я тебя сейчас отблагодарю?

– Интересно, – заинтригованно повела она бровью.

– Еще как интересно. Я трахну тебя прямо здесь. И прямо сейчас.

Все, лирика закончилась, и шлюху пора ставить на место. Вместе с жиром из Коли ушла и жалость к людям. Потому и стал он тем, кем его знает братва…

– Ну, это всегда пожалуйста.

В голосе Вероники легко угадывалось разочарование, но профессиональный долг обязывал ее подыгрывать клиенту. Потому ее длинные чувственные губы растянулись в блудливой улыбке.

Колян уже стянул с нее платье, когда в кабинет вломился Потап.

– Колян, у нас проблемы. На заводскую барахолку наехали.

Наезд – это слишком серьезно, чтобы оставлять проститутку под собой. И ему пришлось выгонять Веронику из кабинета.

– На стреме будь, – небрежно сказал он. – Когда надо будет, позову. Мы еще с тобой позажигаем…

Девушка еще не вышла из кабинета, а Фугас уже переключился на Потапа.

– Кто наехал? Кто такие?

Если бы наехали солнцевские или там люберецкие, Потап заорал бы об этом с порога. И о чеченцах он бы сообщил с трепетом. А так – просто наезд. Значит, ничего особо серьезного.

– Да волынские.

– Не знаю таких, – облегченно вздохнул Колян.

– Житок на их пацана наехал. Тот барахлом торговал, а Житок наехал: слам, типа, гони. А тут эти, волынские. Разобраться надо, все дела. Стрелку забили, у рынка. Три часа нам дали…

– Надо было Житку на хер их послать, – скривился Фугас, недовольный тем, что из-за какой-то ерунды ему пришлось прогнать Веронику.

– Так это, если мы стрелку профукаем, то волынские рынок у нас заберут. Ну, они так сказали…

– Кто у них там за старшего?

– Сэм какой-то.

– Вот именно, какой-то… И я, что, должен с этим «каким-то» базлать?

– Я могу поехать, – пожал плечами Потап.

– Ага, щас! – язвительно хмыкнул Колян.

Хитер бобер этот Потап. Выиграет стрелку с каким-то леваком, наберет очков к своему авторитету, а Коляну потом в отрыв уходи, тягаясь с люберецкими или солнцевскими, с этими монстрами криминального мира.

– Сам поеду. А ты давай пацанов собирай!

Заводская барахолка находилась за пределами его района, но это не мешало Фугасу контролировать ее. Житок там у него со своей бригадой из пяти человек. Может, этого не так уж и много, на все равно должно было хватить, чтобы разобраться с какими-то непонятными волынскими…

С транспортом у Фугаса без проблем. Сам он ездил на новенькой «девятке», еще две такие же машины у пацанов плюс три «семерки» – в общем, весь цвет отечественного автопрома. Интересно, на чем ездят волынские?..

А волынский авторитет подъехал к месту на «Мерседе-

се». Видно, что не новая машина, но смотрится круто: чистая, черным лаком отливает. Окна все наглухо затемнены, но «какой-то Сэм» не прячется, выходит из машины с важностью большого босса. Мощный парень, чувствуется в нем внутренняя сила. Рослый, в плечах серьезный размах. Голова не крупная, но смотрится тяжеловесной, и черты лица не грубые, но какие-то каленые, что ли. Кажется, что кулак сломаешь, если со всей силы врежешь ему по морде. Суровое у него лицо и непроницаемое, как скальная глыба. И одет он по-боевому – кожаная куртка поверх спортивного костюма. В таком прикиде хорошо ногами махать, да и кулаками тоже…

Вслед за «мерсом» к месту подъехали четыре черные «Волги». И все почти новые, не какая-то там рухлядь. И встали они ровно, в ряд, как боевые машины пехоты перед высадкой десанта. Коляну это не понравилось. Слишком уж эффектно смотрелся эскорт волынского авторитета.

Но еще больше не понравился «десант». Машины битком набиты, по шесть рож в каждой. И в «Мерседесе» пять человек. Без малого тридцать бойцов. И у Коляна примерно столько же. Но у него реальных громил человек десять, остальные – второй сорт. А у волынских все бойцы как на подбор, под стать своему старшаку. И одеты они конкретно – все в кожанках и спортивных костюмах. Очень мощно смотрятся…

Возможно, все это лишь мишура, на самом деле в этих

чертях больше понтов, чем реальной силы. Успокаивая себя, Фугас направился в центр обозначенного круга. Так сходятся борцы на поединок. Но на татами все по правилам, там рефери, который всегда может отменить бой. И начинается все по сигналу гонга. А здесь никаких правил. Здесь и до смерти забить могут, даже фамилии не спросив.

И «какой-то Сэм» направился к нему. Шаг у него широкий, движения размашистые, но при этом плавные и даже грациозные, как у бегущего волка. Он шел, излучая внутреннюю мощь, и эти исходящие от него волны пугали, но вместе с тем и завораживали. От сильного волнения Фугас на какое-то время растерялся.

Хотя толпа за ним, три десятка бойцов, но Колян почему-то не ощущал этой мощи. Под тяжелым гипнотизирующим взглядом остановившегося напротив противника он чувствовал себя так, как будто не твердая земля под ногами, а болотная трясина. Одно неверное движение, и это болото засосет его с головой.

Барон Мюнхгаузен вытаскивал себя из болота за волосы. Пришлось и Фугасу брать себя в руки, чтобы вернуть душевное равновесие.

– Твои пацаны на моего человека наехали, – с ходу сказал Сэм.

Голос у него хриплый, как будто простуженный, но при этом глубокий, звучный. Рокочущий бас. Фугас, увы, таким даром не обладал.

У него не такой зычный голос, но главное, что не дрогнул.

– Твой человек барахлом торговал, значит, он лох. И на него по понятиям наехали.

– Я знаю понятия.

Взгляд у Сэма тяжелый и холодный. И Фугас выбивался из сил, пытаясь выдержать его. Зато Сэм вел себя непринужденно. Казалось, что для него эта стрелка обычная прогулка.

– Но это мой лох, и я с него имею. А твои пацаны на него наехали.

– Потому что это наш рынок! – отрезал Колян.

Этот аргумент казался ему настолько веским и обоснованным, что Сэм должен был дрогнуть под его тяжестью. Но тому хоть бы хны.

– Это ты так думаешь, что рынок твой. А я думаю по-другому. Я думаю, что мой человек может на нем работать. И никому ничего не платить.

– Хорошо, пусть работает. Никто его не тронет.

В ответ Сэм презрительно усмехнулся. Он заставил противника дать слабину, и все, теперь он не остановится… Это не собака, которой для счастья может хватить жирной кости. Он – матерый хищник из жестоких джунглей, и ему нужно все. На подачку он не согласен и сейчас потребует весь рынок.

– Я сам буду решать, кому здесь работать и кого трогать. Я заявляю права на этот рынок. И жду, что ты скажешь. Или сделаешь…

Сэм смотрел так страшно, что Коляна вдруг бросило в жар.

Все, разговоров больше не будет. Сейчас проблему можно было решить только делом. Фугас должен был скрутить Сэму голову, а его бойцы – разогнать волынскую братву. Но как это сделать, если руки вдруг стали тяжелыми? А язык такой неповоротливый, что и «фас!» не крикнешь.

Но не зря Коляна называли Фугасом. Он мог взорваться, да еще как!.. Только детонатор сработал с замедлением. Чем и воспользовался Сэм. Он уловил предстартовый момент и ударил на опережение…

Очнулся Колян уже в машине. Голова кружится, перед глазами расплываются красные круги, к горлу подступает тошнота. И челюсть какая-то онемевшая, как будто под наркозом…

Машина трясется на ухабах, слышен шум колес. Рядом Потап с опущенной головой.

– Ы-ы!.. – Колян хотел спросить, что происходит, но смог издать только какие-то нечленораздельные звуки.

– Нормально все. Я тебя в машину затащил, – сокрушенно вздохнул Потап.

Фугас глянул в заднее окно. Только одна «семерка» едет за ними. А остальные где?

– Волынские со всех сторон навалились, пацаны смотрят, ты лежишь, ну и деру… А я тебя в машину затащил…

Колян схватился за голову. Разбежались его бойцы, дрог-

нули под натиском волынских. Какой позор!.. Да и сам он не смог устоять перед Сэмом. Этот кадр мог и взглядом давить, и кулаками до полусмерти забивать. А может, и до смерти… Нет, лучше не связываться с этим монстром. Да и заводской рынок расположен далеко от мест постоянного обитания. Зачем он такой нужен?

А еще, поговаривают, что люберецкая братва на эту барахолку глаз положила… Колян усмехнулся. Ну да, он не рынок отдает волынским, а бомбу замедленного действия.

Глава 2

Люберецкая братва вышла из подвалов. То же самое можно было сказать и про волынских пацанов. Семен хорошо помнил тот день, когда он с пацанами впервые попал в этот сухой и просторный подвал под четырехэтажным домом на Линейной улице. Так им здесь понравилось, что Кит не постеснялся взять за грудки жэковского инженера, который решил их отсюда выгнать. Мужик тогда испугался и подсказал, как въехать в этот подвал на законном основании.

Официальное право на подвал протащили через районный комитет комсомола, после чего Кит прогнал пацанов через товарную станцию, где им пришлось разгружать вагоны и подчищать все, что плохо лежит. Машину цемента, помнится, на халяву тогда урвали, на заработанные деньги своими силами сделали ремонт, обустроили качалку, а через некоторое время здесь обосновался и швейный кооператив. Семен три года в зоне отмотал, а вернулся – здесь все без изменения. В спортзалах куется боевой дух волынской братвы, а в цехах шьются джинсы, куртки, кроссовки.

А изменения должны были случиться. Кооператив можно было бы расширить до размеров швейной фабрики. А братву Кит мог бы бросить на освоение Москвы, пока там были свободные территории. Но ему не хватило смелости вывести волынскую братву на большую орбиту. Пришлось Се-

мену сдвинуть его с насиженного места и взять власть в свои руки. Для этого ему пришлось отбить у солнцевских Алекса Усыгина с его банком. Ничего, справился, и теперь он у руля. А заводской рынок – его следующая, но не последняя победа…

Машины одна за другой выстроились в линию перед пристройкой, из которой можно было спуститься в подвал. Это своего рода контрольно-пропускной пункт. Или даже караулка, где запросто могли заседать с десяток бойцов. Но двери в пристройку открыты настежь, и навстречу братве никто не выходит.

Хотя нет, вываливается сонный Шифер. Зевает, пузо почесывает. В струнку он вытянулся только тогда, когда Семен поравнялся с ним. Правда, тут же сложился пополам. После сильного удара в солнечное сплетение.

– Почему дверь нараспашку?

– Так это, чего бояться? – простонал Шифер.

Семен подождал, пока он поднимется, и снова двинул его кулаком в живот.

– Меня бойся!

Он хорошо помнил, как в свое время выходил на бой с люберецким Сухарем. В подвал к нему пришел, драка раз на раз была. Сухаря он завалил, но пришлось иметь дело с его дружками. Тогда и появился Кит с братвой. Дело не в том, что Семен вышел из той передряги победителем, а в том, что подвал у люберецких никак не охранялся. Сэм уже тогда

сказал, что подвал на Линейной улице должен стать неприступной крепостью. Первое время все было нормально, но постепенно братва расслабилась… Ничего, здесь обязательно будет железобетонный порядок.

– Я за такой бардак убивать буду!

Сильным движением рук он оторвал Шифера от земли, люто глянул ему в глаза и вырубил парня мощным ударом головы.

– Если выживет, его счастье, – обращаясь к своим бойцам, сказал он. – Если нет, значит, так и надо. Вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Пацаны знали, с кем имеют дело. Сэм для них реальный авторитет, а ни какой-то плюшевый пахан, каким был Кит. Они видели его сегодня в деле и знают, как лихо расправляется он с врагами. Все правильно, бей чужих, чтобы свои боялись. И уважали…

Коля Фугас казался крутым пацаном, но на деле он поплыл еще до того, как Семен вырубил его ударом с правой. И бригада его посыпалась под первым же натиском…

Из пристройки вышел Кит. Мощный, кряжистый, рассудительный. Он мог бы повести за собой толпу, как это делал прежде, но вряд ли сумел бы задавить того же Коляна с его пацанами. Поэтому Семен сам возглавил движение. А Кита оставил в подвале. Здесь ему самое место. Он, как и раньше, следит за общаком, но теперь это его единственное занятие. Пуп занимается коммерцией, он постоянно в разъездах, а Харитон и Кузов теперь всегда при Семене. Они были ря-

дом, когда он разговаривал с Фугасом, и волну поднимали, которая смыла ивановских…

– За что ты с ним так? – спросил Кит, озадаченно глядя на Шифера, который только-только стал подавать признаки жизни.

– За то, что бардак у него на входе. И дверь нараспашку.

Семен свирепо глянул на Кита. В следующий раз достанется и ему самому – это говорил его взгляд. Но вслух Семен ничего не сказал. Все-таки Кит – один из основных напарников, и негоже наезжать на него в присутствии рядовых бойцов.

– Но я сегодня добрый, – снимая напряжение, улыбнулся Семен. И кивком указал на Шифера. – Поэтому пусть живет.

– Как там стрелка? – спросил Кит.

Не было в его вопросе повелительного тона, как прежде. И Семен мог бы не отвечать.

– Все путем, а ты боялся… Кузов!

Кузов показал Киту спортивную сумку, в которой лежали деньги. Это дань, что они собрали сегодня с заводского рынка. Разогнали ивановских, победным маршем прошлись по торговым рядам, и дело в шляпе. Вернее, в сумке…

Они спустились в подвал, прошли в тренерскую, там Кузов открыл сумку и выпотрошил содержимое прямо на стол. Тысячные, пятисотенные и двухсотрублевые купюры сваливались в кучу, сыпались на пол. Деньги, много денег…

– А ты говорил, не надо разорять общак, – с кривой

усмешкой сказал Семен, глянув на Кита.

За три года дела кооператива не сдвинулись с места. Кит не занимался развитием производства, но тем не менее денег на общак наколотил немало. Он оказался настоящим скупердяем, потому казна не пустовала. Этим и воспользовался Семен. К одной черной «Волге» он добавил еще три, а под себя взял «трехсотый» «Мерседес». Машины – это та же одежка, по которой встречают братву. И несолидно подъезжать на разборку на каких-то ведрах с болтами. А «Волга», что ни говори, смотрится солидно, особенно если она почти новая. Про «Мерседес» и говорить нечего…

– Мы теперь с этого рынка реально намолотим, – раскинув руки по спинке дивана, сказал Семен.

Устал он очень, но настроение отличное. Сейчас бы в баньку, но лучше обождать немного. Завтра воскресенье, рабочий для рынка день. Ивановские, возможно, попытаются взять реванш, поэтому нужно держать себя в форме. Лучше завтра вечером гульнуть, чтобы похмелье на понедельник выпало… А еще лучше совсем похерить это дело. В бригаде сухой закон, и нехорошо выпивать самому, когда другим этого делать нельзя.

– Намолотим, – кивнул Харитон. – Место там конкретное, торгаши платить приучены… Плохо, что ездить далеко.

– Что, предлагаешь штаб-квартиру там, на рынке, поставить? – спросил Семен.

– Ну, неплохо было бы… Я там кафе возле завода видел…

– Может, лучше на самом заводе штаб-квартиру поставить?

– Не, я серьезно…

– И я серьезно. Здание там красивое.

Главное здание электромеханического завода действительно впечатляло. Высокое – этажей двадцать, из стекла и бетона, похоже на американский небоскреб. И что самое важное, место там людное. Станция метро, перекресток двух шоссе. Если в этом здании открыть магазин, с покупателями проблем не будет.

– А что? Там продукцию для оборонки выпускают. А какая сейчас оборонка? Союза нет, кому все это нужно, непонятно. Надо бы пробить ситуацию на этом заводе, может, мы у них часть здания арендуем. А что? Цех там швейный открыть можно. Тепло, светло и комары не кусают. И рынок рядом…

– Тогда лучше кафешку! – вскинулся Харитон.

– Можно, и кафешку, – кивнул Семен. – И цех, и кафешку… А чтобы цену не ломили, на директора наехать надо.

– Это можно…

– И можно. И нужно. За кем сила, за тем и дело. А на месте топтаться будем, далеко не уйдем… Ревень!

Из толпы, что стояла у открытых дверей, отделился крепкого, хотя и не атлетического сложения парень. Плоская голова, низкий, выпуклый лоб, несимметричные, глубоко посаженные глаза, нескладные черты лица, темная дубленая

кожа, массивный подбородок. Но Семен хорошо знал этого парня, потому и остановил на нем свой выбор. Ревень хоть и анархист в душе, но порядок в бригаде установит капитальный.

– За рынком смотреть будешь.

Ревень кивнул. Новоявленный бригадир уже и без того знал свою задачу. Более того, он уже отличился, собрав дань с торгашей. Лихо его ребята сработали. Без грубости не обошлось, но это реалии дикого капитализма, и от них никуда не денешься.

– И электромеханическим заводом займешься. Человека поважней найди, ситуацию через него пробей…

Ревень снова кивнул. Он внимательно слушал, что говорил Семен про завод, поэтому не стал спрашивать, какая конкретно ситуация его интересует.

– А еще своими заводами заняться надо, – глянув на Кита, сказал Семен. – С металлобазы начнем. За старое надо бы спросить…

Производство самопальной водки он организовал еще в восемьдесят восьмом году на территории волынской металлобазы. Все бы ничего, но каким-то макаром об этом подпольном цехе узнала воровская братва. Семен отбил оба их наезда, но в конце концов остался крайним и загремел на три года в зону.

Осмол на него тогда наехал, а в СИЗО Семен встретился с человеком из его команды. Надо было убить Самокура, но

рука не поднялась. Зато тот блатной сентиментальностью не страдал, и Семен едва не протянул ноги на острие его заточки. Чудом он тогда выжил, а зашитая почка до сих пор дает о себе знать. Тот случай стал для него уроком, и больше он не оставлял врагов у себя за спиной. Потому и выжил в зоне. Потому и вышел оттуда в ранге реального авторитета…

Осмол сейчас где-то срок мотает. А директор металлобазы, возможно, остался на своем месте. Было подозрение у Семена, что этот жук ворам про подпольный цех рассказал. Но раньше как-то недосуг было заняться этим типом. А сейчас не мешало бы на него наехать. И заодно металлобазу под себя подмять, вернее, кооператив, который при ней работал. Предприятие это солидное, товар сюда со всего Союза свозился, чтобы затем разойтись по Москве и области, но часть проката шла на экспорт. Но это раньше было. А сейчас внешние рынки открыты и металл за бугром в разы дороже, чем внутри страны, к тому же за него валюту платят. И наверняка начальство темнит с отчетностью так же, как это было раньше…

Есть еще кабельный завод, раньше он продукцию в страны Восточной Европы гнал, возможно, и сейчас на экспорт работает, а это валюта. Если так, то у начальства рыльце в пушку. Но ничего, Семен зашлет туда своих людей, все выяснит, кого надо, прищучит и наладит относительно честный отъем денег у нечистого на руку населения.

Металлопрокатный завод под боком работает, арматуру

там гонят, уголки, балки, швеллера. Может, масштабы производства там не очень солидные, но по-любому поживиться там будет чем…

В общем, работать надо, а не над богатствами, как тот Кощей, чахнуть. Кит дальше собственного носа ничего не видел, потому волынская братва прозябает в забвении. А надо сделать так, чтобы это было и мощное, и богатое сообщество. Необязательно самое-самое, но чтобы вызывало уважение…

– И здесь будем работать, и в Москве, – сказал он. – А штаб-квартира так здесь и останется… И жить в поселке будем…

Семен махнул рукой, прогоняя зевак, что толпились у дверей в тренерскую. Война войной, а занятия в спортзале по расписанию. Бутон пусть начинает тренировку, а он сейчас подтянется, посмотрит, кто, как и в какую силу работает…

– Этаж выкупать надо, – сказал он, когда в кабинете остались только основные пацаны, и взглядом показал на потолок. – С людьми поговорить, пусть они хаты нам свои продадут. По реальной цене. Это наш поселок, и обижать здесь никого нельзя…

– Так, может, весь дом выкупим? – спросил Кузов. – Квартиры здесь просторные…

– Можно и весь дом, – кивнул Семен. – Людей у нас много. Дом выкупим, двор огородим…

– А деньги? – спросил Кит.

– Заработаем. Или ты сомневаешься?

– Ну, если такими темпами работать… Кстати, как там «Позитив-Банк»? Что-то ничего про него не слышно. И поступлений никаких…

В этих краях Семен появился пять лет назад, совсем еще пацаном был, когда с родителями сюда переехал. А в одном с ним доме жила красавица Наташа, которая тогда казалась ему пределом мечтаний. А у Наташи был парень, и не простой, а инструктор ЦК ВЛКСМ. Это он помог ему с подвалом. Он же подсказал, как замаскировать кооператив под хозрасчетный центр научно-технического творчества молодежи, что помогло в разы снизить ставку налога. Взамен волынская братва поставила крышу над всеми хозрасчетными центрами, которые работали на карман предприимчивого комсомольца.

Семен рос, мужал, у него появились деньги. И когда Наташа бросила своего комсомольца, взял ее под свое покровительство. Они жили как муж и жена, и, когда его посадили, Наташа всерьез собралась его ждать. Но Алекс Усыгин оказался еще тем змеем. Можно даже сказать, зеленым змием. Он подсадил Наташу на кокаин и тем самым сбил с правильного пути. Она вернулась к нему, а в конце прошлого, девяносто первого года в качестве эстафетной палочки перекочевала к солнцевскому бригадиру по кличке Нахрап. Наташа к тому времени давно уже избавилась от кокаиновой зависимости, но Алекс вновь подсадил ее на это дело, а затем выставил за дверь. С тем, чтобы ее подобрал Нахрап. И сде-

лал он это, дабы не платить бандитам дань. Бизнес им свой помог организовать и Наташу продал – этим и заработал себе поблажку.

Нахрап, в свою очередь, тоже не прочь был избавиться от Наташи. Даже в шутку предложил отправить ее на панель. Правда, его дружок воспринял все это всерьез, и Наташа действительно оказалась в притоне. На следующий день она сбежала. Пуп, ее брат, подъехал к Нахрапу, чтобы спросить за нее, но тот банально набил ему морду и вернул Наташу обратно.

А в это время на волю вышел Семен. Он и с Нахрапом разобрался, и Наташу вернул. У Пупа своя методика – и он снова запер сестру в подвале и посадил ее на жесткую воздушно-водную диету. Тяжело ей было, в муках бедняжка корчилась, но ничего, выдержала. И к наркотикам больше не тянется.

Алекс опустил Наташу, за это Семен с него и спросил. Его самого заперли в подвал. Усыгин и без того баловался кокаином, потому на героин его подсадили без всяких проблем. А потом ему предложили переписать на Семена половину своего предприятия. Выбор у Алекса был небольшой – или подписать договор, или остаться без дозы. Он выбрал первое. Но спасительный укол так и не получил.

Усыгин подкладывал Наташу под своих начальников, он отдал ее Нахрапу, из-за него ей пришлось обслуживать клиентов в притоне. Поэтому Семен предоставил ему возмож-

ность испытать эти удовольствия на себе. Подсадил к нему в камеру бомжа с уголовным прошлым, и Алекс за дозу исполнил его фантазии. Жестоко. Зато Усыгин остался жив.

– Будут поступления, все будет, – кивнул Семен.

Усыгин сейчас находился на излечении в наркологической клинике. А вместо него банком рулит человек, которого Семен плотно взял в оборот. Через неделю он снимет со счетов крупную сумму, половину от которой придется отдать солнцевским. Таков был уговор, по которому Алекс вернулся под крышу Семена. Денег, конечно, жаль, но слово пацана для Семена не пустой звук…

«Позитив-Банк» – это лишь вершина айсберга, которым владел Усыгин. Его хозрасчетные центры успешно перепрофилировались в торгово-посреднические фирмы. И со всего этого Алекс имел очень солидные деньги. Похоже, Нахрап не знал об этих подводных течениях, потому отдал банк почти без боя.

– Главное, чтобы Алекс не сорвался с крючка.

– Думаешь, это возможно? – нахмурился Кит.

– Мы, брат, в бардаке живем. А в бардаке возможно все, – хмыкнул Семен.

– Нельзя его упускать, – покачал головой Кузов. – Если такой жирный карась уйдет, нам кушать мало-мало будет…

– Вот ты им и займешься, – строго посмотрел на него Семен. – Найдешь, где он лечится, и возьмешь под контроль. С кем говорит, с кем встречается. Все это я должен знать…

– Понял.

– Да, и близко к нему не подходи, – пытаясь сдержать смех, серьезным тоном сказал Харитон. – А то вдруг он теперь на мужиков переключился…

Братва засмеялась. Даже неулыбчивый Кит оценил шутку. Правда, он тут же нахмурился, глянув на сумку с деньгами.

– Надо бы все это промыть, – сказал он.

Как отмывать деньги, его научил Усыгин. Все очень просто. Реально в кооперативе работает двадцать человек, а по бумагам – сорок. И продукции они выпускают, опять же по бумагам, в два раза больше, чем в действительности. Правда, и сумма выплат в госказну тоже возрастает. Зато в налоговую базу включались те деньги, которые Семен зарабатывал на водке. Такие махинации позволяли кооперативу покупать автомобили, оборудование, а его боссам – жилье для себя. Джема, например, квартиру себе справила, а Кит дом построил – говорит, что собственными руками. Да и сам Сэм, что уж говорить, внакладе не остался. Еще до того как сесть, он успел накопить на двухкомнатную квартиру, а Джема ее купила – для его родителей.

– Не надо, – покачал головой Семен.

Джема когда-то была основным пацаном в их команде. Вернее, пацанкой. И на разборки вместе со всеми ходила, и в кровь дралась. Она же предложила организовать кооператив, девчонок привела, дело наладила. И женщиной вдруг себя почувствовала. В Семена влюбилась. И даже смогла уложить

его в постель. Но потом он стал жить с Наташей, и это ее взбесило. Это Джема подсказала ментам, где найти Семена, с ее подачи его закрыли в СИЗО. Зачем она это сделала?.. Семен никогда бы не поверил ее объяснению, если бы не знал, что она за человек…

Она приходила к нему в КПЗ, навещала его в следственном изоляторе, нанимала адвокатов, подкупала судей, чтобы ему дали срок по минимуму. А когда он оказался в тюремной больнице с тяжелым ранением, устроилась туда санитаркой, выходила его, выхолила. И сделала все, чтобы он почувствовал себя умеренно счастливым. Правда, в зону к нему она приехала не сразу. Сначала родила от него ребенка, зачатого в той самой тюремной больнице…

Она безумно любила Семена. И это безумие вывело на него ментов. Рано или поздно его бы все равно повязали, но, как ни крути, Джема сдала его. Для того, чтобы тюрьма разлучила Сэма с Наташей. Для того, чтобы дождаться, когда он выйдет на свободу, и стать его единственной женщиной…

А он вернулся домой и первым делом спросил за Наташу. Пуп вытащил ее из наркотической ямы, поселил у себя в квартире, а Джема пришла к ней, избила, связала, чтобы вколоть ей чрезмерную дозу героина. Она хотела ее убить. Хотела, но не смогла: совести не хватило…

И все-таки Семен не должен был прощать Джему. За свое предательство она должна была ответить головой. Но как он мог убить женщину? Да еще мать собственного сына…

Он простил Джему, но вывел ее за орбиту волынской команды. И швейной фирмой она больше не заведует. Джема живет сама по себе, и ему бы надо наведаться к ней, узнать, как там поживает его сын. Но все некогда. Да и нет желания видеться с ней.

А Наташа живет с ним. Он вернул ее, простил и поселил у себя. Может, это неправильно, но сам Харитон просил его, чтобы он к ней вернулся. Потому что он тоже когда-то любил Наташу и переживал за нее… Такие вот дела, в такие вот переплеты втянула Семена жизнь…

– Не надо ничего отмывать. На эти деньги мы возьмем стволы. И на эти, и на те, что еще соберем…

– Стволы? – начал было Кит, но осекся, напоровшись на пристальный взгляд Сэма.

Кит не любил рисковать, поэтому волынская братва отстала от жизни. Но сейчас все решает Семен. Он вывел своих бойцов на тропу войны, он же их должен и вооружить. Постреливают нынче на улицах – из автоматов работают, из снайперских винтовок. То одного авторитета убьют, то другого. Чеченцы, те вообще без стволов на улицу не выходят. И на разборках у них из автомата полоснуть или гранату кинуть – как с добрым утром… Да что там говорить, у Семена еще в восемьдесят восьмом году пулемет появился, он его на крыше водочного цеха поставил; из него и разогнал воровских бойцов, что пришли по его душу. Из-за него и сел…

– Оружие нам нужно, – сказал Сэм. – Без этого никуда.

Так что будем со стволами решать.

– Чего там решать? Есть люди, которые этим занимаются, – кивнул Харитон. – Из люберецких. Они оружие из Приднестровья везут, с армейских складов. Наши отечественные стволы, забугорных нет. Да и не надо забугорных. «ТТ», говорят, отличная вещь. Ну и «АКМ» – супер…

– Займешься этим, – кивнул Семен.

Стволы ему нужны не только для дела, но еще и для престижа. Как может его бригада называться волынской, если в ней нет волын?..

– Но этого мало, – добавил он. – Автоматы нам нужны, пистолеты тоже, но это если кого-то конкретно завалить надо. А на разбор я бы автоматы брать не стал. Если менты хором навалятся, большие проблемы будут…

– Вот и я том же, – подал голос Кит.

Но Семен на него даже не глянул.

– Ты, Харитон, с люберецкими насчет стволов договариваешься. Это раз. И через ментов решаешь, чтобы все пацаны охотничьи билеты получили. Это два. А потом через охотничий магазин их надо будет прогнать, дробовики там возьмем. Это три…

Охотничье ружье – это, конечно, не автомат, но хоть легально приобретенное. А Семен битый волк, он знает, что бывает за незаконный ствол…

Глава 3

Ревень держался важно, хотя его распирало от ребяческого восторга. Еще бы, такую проблему решил, часть заводского здания в аренду взял. Договор пока только предварительный, но директор обратку не включит. Потому что сам Ревень с ним поговорил, и очень убедительно. Поэтому и цена за помещения не кусается. А их несколько, и все они находятся на первом этаже.

– Я думаю, здесь целый ресторан открыть можно, – с важным видом изрек Ревень, кивком показав на главный вход здания, через вестибюль которого можно было попасть в арендуемую зону. – Людей здесь много. Кафе вот, ларьки…

Семен автоматически глянул на ларек, что стоял у самой дороги, и увидел новенький серебристый «Ауди». Такую машину невозможно было обойти вниманием. Поэтому Семен дождался, когда покажется ее владелец.

А из машины вышел шустрый чернявый паренек в модных джинсах и кожаной куртке с фарсовым глянцем. И его лицо показалось знакомым. Доставая на ходу деньги, паренек подошел к ларьку, наклонился к окошку. Он купил пачку сигарет, на ходу раскупорил ее, но в машину сесть не успел.

– Ганс! – без надрыва в голосовых связках позвал его Семен.

Парень дернулся, будто его ударили током, резко развер-

нулся к нему.

– Сэм?!

Глаза его округлились, сигарета вывалилась изо рта.

К немцам Ганс не имел никакого отношения. Ганихин его фамилия, может, потому и дали ему такую кличку. Может, его так еще на воле назвали, может, уже в СИЗО окрестили, но, так или иначе, в колонию, где мотал срок Семен, он прибыл с погонялом Ганс.

А Семен тогда рулил бригадой спортсменов, куда этот парень очень хотел попасть. Он действительно шустрый малый, юркий, пронырливый, и слабостью характера не страдал, и о карате знал не понаслышке. В общем, почти год он пытался влиться в команду и все-таки добился своего.

А потом у Семена случился конфликт с ворами. Из-за него. Оказывается, Ганса еще в следственном изоляторе объявили гадом. Из-за камерного общака, который он взял, чтобы вернуть с прибылью. Душа у него барыжья, фарцовочная, на том он и прогорел. Деньги он вернул, но без навара, и этого хватило, чтобы воровская масть его прокляла.

Но лагерного пахана Ганс интересовал мало. Ему нужно было опустить Семена, для этого он и потребовал, чтобы ему сдали пацана. Общак – дело святое, поэтому Семен мог пойти на уступки. Но сначала он должен был сам во всем разобраться. Однако Поливан требовал Ганса немедленно, и Семен догадался, зачем это ему нужно. Вор хотел, чтобы он сдал своего пацана из своей бригады, чтобы нанес удар по

собственному авторитету. Семен на это не повелся, Ганса не слил, и разговор закончился грандиозной бойней, в которой спортивная братва задавила воровскую. На место лагерного смотрящего Семен не метил, но так вышло, что какое-то время ему пришлось исполнять эту роль…

– Сэм, какая встреча!

Ганс выглядел как настоящий хозяин жизни. Одет как манекенщик, ухожен, супермашина под задницей. И по манере своего поведения он явно принадлежал к тем ребятам, что двери в бары-рестораны открывают ногой. Но, похоже, Семен для него по-прежнему оставался иконой, на которую нужно молиться. Поэтому и радость его казалась искренней. Он-то всерьез думает, что Семен спас ему жизнь. А ведь его бы, возможно, даже не тронули, если бы он не попал к нему в команду… Хотя, скорее всего, Семен уберег этого парня от расправы. Ведь гад в зоне – это приговор. И опустить Ганса могли, и убить…

– Ну, здорово, пацан!

Обниматься с ним Семен не стал, но руку пожал крепко.

– Сэм… Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть! – Ганс завороженно смотрел на него.

– Ну, я тоже… Ревень, знакомься, это Ганс. Он у меня на зоне в бригаде был…

– На зоне? А я у Сэма на воле в бригаде, – широко улыбнулся Ревень, пожав Гансу руку.

– И здесь бригада… кто бы сомневался… А я тоже теперь

в Москве.

– Все фарцуешь?

– Типа того. Но все чисто по закону!

– Торопишься?

– Да… То есть нет, – мотнул головой Ганс. – Там и без меня обойдутся… Может, в кабак заглянем? Обед как раз. Посидим, поговорим… Блин, Сэм, такая встреча!

Семен глянул на часы. Действительно, время обедать.

– Что ж, можно…

Ганс показал на свой «Ауди».

– Тут недалеко.

– Да нет, брат, у меня своя лошадь…

Красивая тачка «Ауди», не вопрос. Но «Мерседес» Семена смотрелся круче. И Ганс с приоткрытым ртом следил за тем, как пахан подошел к своей машине, возле которой торчали два здоровенных «быка» в кожанках. Было бы еще эффектней, если бы кто-то из них открыл перед боссом дверцу, но этого не случилось, потому что Семен барством не страдал и таких услуг от подчиненных не требовал. Более того, мог и навалять, если бы кто-то прогнулся бы под ним по-холопски. Делом нужно свою преданность и полезность доказывать, а не лизоблюдством.

Ресторан находился в двух-трех кварталах от здания завода, на первом этаже жилого дома. Видно, что частное заведение: и дизайн соответствующий, и уровень сервиса. Комфортный зал, уютный, приятная тишина.

– У меня тут склад и офис недалеко, – сказал Ганс, когда они сели за столик. – Иногда сюда заезжаю. Кормят вкусно. Цены, правда… Ну так деньги – дело наживное…

К ним направился щуплый официант в белой рубашечке и с липкой улыбкой, Ганс поторопил его щелчком пальцев.

– Солянка у них здесь супер и жаркое в горшочках.

Семен кивнул, дескать, это пусть и подадут.

– По-любому вкусней, чем баланда, – усмехнулся он.

– И не говори. Как вспомню, чем нас в зоне кормили…

Семен заметил, какими глазами посмотрел на них официант, услышав про зону. И с робостью, и одновременно с пренебрежением, как будто они не люди, а изгои общества. И ему стало вдруг обидно за себя. Это повезло, что после зоны он остался на коне, а ведь мог обивать сейчас пороги отделов кадров в поисках работы. И отовсюду бы его гнали поганой метлой, как прокаженного.

– Чего таращишься, придурок? – разозлился он на официанта. – Хозяина сюда своего тащи! Пять минут у тебя, а потом башку откручу. Ну!

Официант побледнел и поспешил исчезнуть. Сейчас он узнает, кто хозяин в этой жизни, а кто здесь только воздух портит.

– Я смотрю, Сэм, команда у тебя крутая, – уважительно заметил Ганс. – И тачки козырные…

– Ты же не думал, что я по этой жизни бутылки собирать буду?

– Нет, конечно.

– Ты лучше расскажи, как ты на воле оказался. Тебя же на химию, кажется, перевели?

– Да, перевели. Месяц там перекантовался, а потом по условно-досрочному вышел… Хотел от звонка до звонка, как ты. А пахан сказал, не надо. Ну, и за уши вытащил…

– Какой пахан?

– Да мой родной пахан, – улыбнулся Ганс. – Чисто батя. Он у меня раньше в институте работал, экономика там, финансы… Книжный червь, короче. А сейчас он в администрации Президента, консультирует Самого…

– Нехило он у тебя поднялся! – цокнул языком Семен.

– Да я сам в шоке до сих пор… Домой вернулся; ну, думаю, фирму открою. И открыл. Батя в два счета все оформил. И с офисом помог, и со складом. И с кредитом вопрос решил. За чисто символический процент. Инфляция галопом скачет, она уже и процент сожрала, и кредит. И дальше скакать будет. Сейчас выгодно кредиты брать…

– И не выгодно давать, – кивнул Семен.

– Но ты же не банкир.

– Кто тебе такое сказал? Банк у меня свой, я там наполовину владелец…

– А что за банк?.. Я же не просто так спрашиваю. Могу пахану сказать, он твой банк возьмет на обслуживание бюджетных счетов. А это знаешь какие бабки?

– Догадываюсь… Есть такой «Позитив-Банк».

– Позитивное название… Я скажу бате, он все сделает… Я ему про тебя рассказывал. Ну, как ты меня от блатных отмазал. Был, говорю, человек такой. Человечище! За своих пацанов, говорю, горой стоял. Если бы не он, говорю, не дождался бы ты, папа, сына домой… Так что он перед тобой в долгу. Ну, и я, само собой, тоже…

– Удивил ты меня, Ганс. Конкретно удивил…

В это время к столику подошел моложавый холеный толстячок с лысеющей головой.

– Кто-то из вас хотел меня видеть? – любезно осведомился он.

– Крыша у тебя кто? – не отрываясь от тарелки, спросил Семен.

– Что, извините?

– Платишь кому?

– Государству.

– Ты своего дурака перед женой валять будешь. А передо мною тут махать не надо. Чья братва с тебя за охрану снимает?

– Мы сами себя охраняем.

– Ты в этом уверен? А если сюда сейчас зайдут крепкие парни с битами, кого ты на помощь звать будешь?

– В милицию позвоню.

– Ты с Луны упал? Или с дуба рухнул?.. Какая милиция? Здесь все разрушат и тебе по голове больно настучат. Тебе что, милиция здоровье вернет? Или здесь все восстановит?..

– Нет, но…

– Короче, мужик, тебе очень повезло, что я сюда зашел. Бригада у меня серьезная, а люди спокойные и вежливые. И бить они тебя не будут, и мебель ломать – тоже, а если кто наедет, то защитят… Ты меня понимаешь?

Толстяк с подавленным видом кивнул.

– Это хорошо, что ты все понимаешь. А то я подумал, что ты непуганый идиот. Думал, что тебя напугать сначала надо. А ты все понимаешь… Короче, если вдруг спросят, кто у тебя крыша, скажешь, что волынская братва. Я тебе номер телефона оставлю; если вдруг что, позвонишь, скажешь, что на тебя наехали. Пацаны подъедут и все решат…

– И за это я должен вам платить?

– Смотри, брат, как умные люди на лету все схватывают, – глянув на Ганса, усмехнулся Семен. – А еще говорят, что народ у нас глупый.

– И сколько я вам должен платить? – сокрушенно вздохнул ресторатор.

– Пятнадцать процентов. От дохода.

– Но это много…

– Я вообще удивляюсь, как тебя любера не прихватили, – хмыкнул Семен. – Они тридцать процентов берут…

Он умолчал, что многие братки берут тридцать процентов от прибыли, от чистого остатка, который должен достаться хозяину. В некоторых случаях это даже меньше, чем пятнадцать процентов от общего дохода. Но зачем этому несчаст-

ному толстяку вникать сейчас в эти подробности, он и без того расстроен…

– Ну, я не знаю…

– Сейчас толпа сюда с битами завалится, и ты все узнаешь… Могу прямо сейчас это устроить.

– Не надо.

– Короче, завтра к тебе подъедут люди, поговорят с тобой, заглянут в твою бухгалтерию и назовут цифру, которую ты будешь выставлять за охрану. А сейчас иди, бумагами займись, чтобы завтра все обосновать… Давай, давай.

Толстяк ушел, а Ганс в раздумье посмотрел на Семена.

– Круто ты с ним. На деньги поставил и даже фамилии не спросил…

– Ревень с ним работать будет, он пусть и спрашивает. А я чисто точку пробил.

– И много у тебя таких точек?

– Хватает.

По большому счету Семен только начинал работать, и похвастать ему особо нечем. Но так он и не собирался хвастаться. Да и прибедняться тоже.

– И у меня точка есть. Своя, – все так же в раздумье сказал Ганс.

– Я это уже понял.

– А почему не спрашиваешь, кто у меня крыша?

– Зачем это мне?

– Ну, может, захочешь взять меня под свою защиту?

– Гонишь?.. Ты мой пацан, Ганс, – пристально посмотрел на парня Семен. – Был моим пацаном в зоне, остаешься им и здесь. Если вдруг какие проблемы, обращайся, чем сможем, тем поможем…

– Вот именно, чем сможем…

– А у тебя, что, крыши нет?

– Да как-то все мимо прошло.

– Не Москва, а прямо поле какое-то непаханое, – усмехнулся Семен.

Он понимал, что обольщаться не стоит. Частные предприятия в Москве растут сейчас как грибы после дождя, и братва просто не успевает накрывать их крышами. И если Семен успел подсуетиться с этим рестораном, то это не значит, что на него не наедут те же люберецкие. Да и чечены могут права качнуть. И бауманские могут нажать, и гольяновские, да кто угодно… Да и с заводским рынком такая же беда…

– Да, но и желающих поработать хватает, – улыбнулся Ганс.

– Да, волков здесь и без нас много… Значит, говоришь, крыши нет?

– Да я бы не сказал. Если вдруг наедут, я бате скажу, он ОМОН организует.

– Хорошо, когда такой батя есть…

– Но я бы хотел, чтобы мы вместе работали. Когда свои пацаны есть, на душе спокойней…

– И что ты предлагаешь? – с интересом посмотрел на Ган-

са Семен.

– Так я уже предложил. Причем бескорыстно. Батю подключу, он тебе с банком поможет… Ну, и не только это. Мало ли, вдруг с ментами какие заморочки, всегда можешь к нему обратиться. Мне звонишь, я решаю…

– А если на тебя наедут, ты звонишь мне?

– Точно… Я про твою здешнюю бригаду ничего не слышал. Но мне хватит, что ты у руля. Я знаю, как ты проблемы решаешь. Значит, все путем будет…

– Договорились, брат. Ты мне, я тебе, так и работаем…

Семен был бы дураком, если бы отказался от сотрудничества с сыном вельможного отца. Человек Президента – это сильно. А может, со временем Ганихин-старший президентскую администрацию возглавит… К тому же Ганс и сам по себе кое-что для него значит. Во-первых, пацан боевой. А во-вторых, надежный…

Глава 4

Рука у Ларисы легкая, и Алекс даже не почувствовал, как иголка вошла в вену. Сейчас бы расслабиться и получить удовольствие от прихода… Но в шприце не наркотик и даже не заменитель. Это простое лекарство для очищения крови. Чтобы меньше на героин тянуло.

Уже три недели он в этой клинике, но тяга к наркотикам все-таки есть. Легкая, едва уловимая, загнанная лекарствами куда-то глубоко-глубоко, но все же время от времени она дает о себе знать. Особенно если Усыгин волновался… А волноваться он начинал, когда накатывали воспоминания.

Зря он продал Наташу Нахрапу. Зря он пошел против Сэма. Это же не человек, это монстр какой-то… Никогда не забыть Алексу, как он сидел у него в подвале, как унижался за дозу, как отдал ему часть своей доли в банке. А как опускал его вонючий патлатый бомж, которого подсадил к нему Сэм… Это же ужас!.. Фу, какой кошмар…

Но куда страшней то, что Сэм стал совладельцем его бизнеса. В офисе он пока не появляется – видимо, у него и без этого много дел, – но ведь у него может возникнуть идея сделать банк своей штаб-квартирой. Тот же Нахрап управляет бригадой из кабинета своей фирмы, и Сэм запросто может последовать его примеру…

– Спасибо, Лариса.

Он механически провел рукой пониже ее спины. Девушка кокетливо повела бровью, но ничего не сказала.

Лариса простая медсестра, причем незамужняя, а он банкир – выгодная для нее партия. Она хороша собой, и он мог бы приударить за ней. Но дело в том, что после того случая в подвале женщины вдруг перестали волновать его. Алекс, конечно, понимал, что это результат сильнейшего стресса, поэтому не очень переживал. Он уже почти избавился от наркотической зависимости, ужасы однополой любви еще не забылись, но уже не действуют на психику, как прежде. Скоро все уляжется, уладится, тогда и отношения с женщинами обретут яркую окраску. А пока Лариса не представляет для него особого интереса.

– Я еще вечером зайду, – уходя, многообещающе сказала медсестра.

– Да, конечно. Буду рад…

Скучно здесь, и ему действительно будет приятно, если Лариса скрасит его одиночество. Расскажет что-нибудь интересное… Хотя, честно говоря, ему приятней общаться с врачом Димой. Совсем еще молодой человек, только-только из института, но говорить с ним интересней, чем с каким-нибудь профессором…

В дверь постучали, и в палату вошел Вячеслав Павлович, в прошлом подполковник КГБ, а в настоящем – заместитель Усыгина по вопросам безопасности. Он говорил, что бывших чекистов не бывает; может, это и так, но Алекс имел

повод ему не верить. Потому что Жаров не так давно посмеивался над его страхами. Дескать, бандиты – они не страшные, и с ними можно справиться одной левой. Теперь он так не говорит. И обычную для своей профессии спесь утратил. Потому что переиграл его Сэм, этот обычный русский бандит.

– Разрешите, Алексей Григорьевич? – зычным командирским голосом спросил Жаров.

– Да заходи, чего уж там, – небрежно махнул рукой Алекс.

Он мог бы уволить Жарова за его промашку, но не стал этого делать. Во-первых, за одного битого двух небитых дают. А во-вторых, у Вячеслава Павловича связи в Министерстве безопасности. Ну, и работу он свою знает…

– Что-то ты невесел, Вячеслав Павлович, – заметил Алекс.

– Да нет, нормально все. Настроение хорошее, – натянуто улыбнулся зам по вопросам безопасности. – Боевое, скажем так, настроение…

– Воевать собираешься?

– Да. И враг тебе очень хорошо известен… Он сегодня к Лапкину приходил.

– И? – затаил дыхание Алекс.

– Деньги просил подготовить. Сто пятьдесят тысяч долларов…

– Ненавижу! Как же я ненавижу этого гада! – сжав кулаки, сквозь зубы простонал Алекс.

– А разве Лапкин тебе не звонил?

– Нет.

– Ну да, я же сам к тебе поехал…

– Что делать будем?

– Одно из двух: или отдавать эти деньги, или нет.

– Нет!

– Тогда Сэм заберет их силой.

– А ты на что?

– А что я могу сделать? Он по документам проходит как совладелец. Ни один суд не признает его виновным в вымогательстве.

– Документы, документы… – Алекс нервно забарабанил пальцами по своей коленке. – Документы – это ерунда. Фонды из банка выведем, подведем его под банкротство, и пусть Сэм владеет им на свое здоровье. На «Позитив-Торг» переключимся, под него все подгоним… Но это уже детали…

– В том то и дело, что это детали, в которые Сэм вникать не станет. Я наводил о нем справки; он парень крутой, молодой, но ранний. Целую зону под себя смог поставить. Ты хоть представляешь, что это такое?

– А мне это нужно? Я зону держать не собираюсь. И тебя это не должно волновать.

– А вот волнует. Потому что я за тебя, Алексей Григорьевич, в ответе. Я сам раньше думал, что Сэм – это несерьезно. А я в колонии был, где он срок мотал, с начальником разговаривал. Он парень, в общем-то, спокойный, но убивает при этом без всякого зазрения совести. Перешел ему дорогу –

получи перо в бок…

– Если он так просто людей убивает, почему его выпустили?

– Ты как маленький, Алексей Григорьевич. Это же зона, там свидетелей нет. Никто ничего не видел, никто ничего не знает… А Сэм убивал. Это я точно знаю, что убивал. И тебя убьет.

– Ну, прямо-таки убьет, – поежился Алекс.

– Как будто ты не знаешь, на что он способен.

– Знаю! Я этого гада очень хорошо знаю. И требую, чтобы ты оградил меня от него!

– Спокойно, спокойно. Все под контролем.

– Что «спокойно»?! Этот гад сто пятьдесят тысяч собирается у меня забрать, а у тебя все под контролем?

– Ну, не забрал же.

– Заберет! Если будешь сопли жевать!

– А я не жую. Я с генералом сегодня утром разговаривал.

– Та-ак! – с замиранием духа протянул Алекс.

– Генерал дал «добро». Пора, говорит, заканчивать с оргпреступностью. Команду дал, оперативников к делу подключил. В общем, закрутилась работа…

– С этого и надо было начинать!

– Да нет, тут все в круг замкнулось. Все один к одному. Завтра кабинет Лапкина поставят на прослушку…

– Завтра же этого козла за рога и в стойло!

– А на каких основаниях? У нас же демократия, – пре-

зрительно усмехнулся Жаров. – У нас же правовое государство… Тут повод нужен.

– Какой, к черту, повод? – стал кипятиться Алекс.

– Убедительный. И аргументированный… Хорошо, если ты завтра в банке будешь. Хорошо, если ты с Сэмом будешь говорить. Спровоцировать его надо. Чтобы он глупостей всяких наговорил, чтобы… Лучше всего, если он тебя ударит.

– А ты знаешь, как он бьет? – как от зубной боли скривился Усыгин. – Он же челюсть с одного удара ломает.

– Отлично. Это уже увечье, это уже уголовная статья. Нам сейчас главное – закрыть его, а там что-нибудь придумаем, чтобы срок ему намотать…

– Может, пусть он лучше Лапкина ударит?

– А что Лапкин? Он в данном случае никто, и Сэм это понимает…

– А если Сэм просто ударит? Без перелома…

– Лучше всего с переломом. Но может и без. Хулиганство пришьем. Опера на подхвате будут, спецназ подключим. В общем, все как надо сделаем. Но встречу лучше на послезавтра перенести, чтобы как следует подготовиться.

– Лапкин позвонит, перенесет.

– Позвонит, перенесет… – эхом отозвался Жаров. – А мы пока в оперативном плане подготовимся. Но хорошо бы и по юридической части подготовиться. Куда ты фонды хотел вывести?

– С этим я разберусь. Думаю, двух дней нам хватит…

Только тут полумерами не обойтись. Одного Сэма закрыть мало. Надо и с этой его свистобратией кончать…

– Мы уже прорабатывали этот вопрос, – кивнул Жаров. – Слежку за ключевыми фигурами установим. Они попытаются выйти на следователя, будут давить на тебя, угрожать. На взятках их брать будем, на угрозах…

– А если они меня убить захотят?

– Это еще лучше. Тогда мы их разом всех закроем.

– А если они меня убьют?

– Нет. Тебя охранять будут. Бронежилет наденешь. Поверь, тобой опытные люди занимаются. Такие специалисты в нашей системе в дефиците, а на тебя целую группу выделяют. И спецназ. В общем, за свою безопасность, Алексей Григорьевич, можешь не переживать.

– А вот переживаю!

– Ну, тогда ложись под Сэма и плати ему дань.

– А это уже хрена с два! – заорал Алекс.

Когда Жаров ушел, Усыгин позвал Ларису.

– Заработать хочешь? – Он нервно и нетерпеливо теребил краешек простыни.

– Если вы принимаете меня за проститутку… – не очень возмущенно начала девушка.

– Да нет, я не этого хочу. Мне уколоться надо… Лучше кокаин. Тысяча долларов за дозу!

– Но я так не могу, – мотнула головой девушка.

– Две тысячи!

– Нет.

– Три!

– Ну, хорошо…

Лариса ушла, а через полчаса в палату вошли два крепко скроенных санитара и надели на него смирительную рубаху… Может, это и к лучшему.

* * *

Алекс водил глазами, как будто над головой Семена кружила муха. И губы он себе покусывал, и палец все норовил ко рту поднести, чтобы ноготь отгрызть. Видно, что волнуется мужик. Но его можно понять. Кому же хочется с деньжищами расставаться?

– Ну чего сидишь, зенками шлепаешь? – с едкой насмешкой спросил Семен. – Чай предложи, кофе… Или сигару… Или косячок… Или кокаинчику нюхнуть… Или героином ширнуться… Что там у тебя по плану? План – это такая кайфовая штука, да?

– Издеваешься? – озлобленно скривился Алекс.

– Деньги где?

– Деньги?.. За что деньги?.. Я эти деньги горбом своим зарабатывал, – постучал себя по загривку Алекс.

– Горбом грузчики зарабатывают. А ты языком грузишь, а не горбом.

– Не получишь ты денег, – спрятав глаза, буркнул Усыгин.

– Почему?

– А на каком основании?

– Мы с тобой на равных владеем «Позитив-Банком», и я хочу свою часть от прибыли. Никакого вымогательства, как ты понимаешь.

– Какая прибыль? «Позитив-Банк» – банкрот!

Алекс тряхнул папкой с бумагами и швырнул ее на стол. Но Семен на нее даже не глянул. Он имел примерное представление о том, что за документы там лежат.

– И что с того?

– Нет никакой прибыли. Одни только убытки.

– А «Позитив-Торг»?

– «Позитив-Торг» – это совершенно независимая фирма и никакого отношения к «Позитив-Банку» не имеет! – злорадно проговорил Алекс.

– Но в уставе банка сказано другое…

– Устав банка изменен, и форма собственности этих независимых предприятий – тоже. Если тебе что-то непонятно, можешь получить консультацию у юристов…

– А если в двух словах?

– Если в двух словах, то вы, Семен Петрович, владеете половиной долгов банка-банкрота.

– Еще вчера «Позитив-Банк» не был банкротом, – покачал головой Семен.

– А мы живем в удивительное время, Семен Петрович, вам не кажется? Если у нас целые банки отбираются легким

движением руки, то и лопаются они с такой же легкостью…

– Как говорится, ловкость рук и никакого мошенничества?

– Как хотите, так и называйте…

– А я скажу, как есть. Ты хочешь кинуть меня, Алекс, как лоха…

Семен привстал со своего места, и Усыгин зажмурился в ожидании удара.

– Что, страшно?.. А ведь ответить придется, Алекс. Очень жестоко ответить.

– Вы мне угрожаете? – жалко проблеял Усыгин, через прижмуренные веки глянув на дверь.

– Нет, я тебя предупреждаю. Всякое ведь в жизни бывает. Идешь по улице, а тут вдруг сосулька с крыши…

– Это угроза?

– Да пошел ты, – презрительно хмыкнул Семен.

– Я попрошу без этого!

– Заткнись. И отвечай на вопросы. Значит, банк – банкрот?

– Да.

– И ты можешь это доказать?

– Вот бумаги, по ним все видно…

– Глаза не хочу напрягать. Давай так: ты сейчас отпишешь на меня свою половину банка. Если он банкрот, то чего тебе терять?

– А если не отпишу?

– Тогда ты врешь насчет банкротства. Тогда ты кинуть меня хочешь. А за кидалово спрашивают очень жестоко…

– А если отпишу?

– Тогда тебе можно верить.

– И дальше что?

– Дальше? Дальше живи спокойно.

– То есть ты забираешь банк и больше никаких ко мне претензий?

– Я не забираю банк. Ты сам его мне отдаешь. Потому что тебе эта головная боль не нужна.

– Да, да, конечно…

Похоже, Алекс действительно подвел свой собственный банк под монастырь. Именно поэтому процесс переоформления прошел быстро, в течение каких-то нескольких часов. Юрист, которого вызвал Семен, проверил бумаги, нотариус заверил сделку.

– Гуляй!

Семен не стал бить Алекса, но, взяв его за шиворот, выгнал из директорского кресла.

– Теперь это мое место.

– Ты же понимаешь, что помещения арендованные, – не скрывая своего злорадства, сказал Усыгин.

– Ничего, зато мебель путевая…

– Ну, мебель-то моя…

– Была ваша, стала наша.

– Да, пока за долги не ушла…

– Нарываешься? – насмешливо глянул на Усыгина Семен.

– Нет, просто предупреждаю…

– Да нет, Леша, нарываешься ты. Хочешь, чтобы я челюсть тебе сломал. Чтобы меня потом твои друзья-комитетчики приняли… Где они там прячутся? Ау-у! Выходите!

Ошарашенный Алекс вытаращил глаза. Он-то думал, что Семен ни о чем не догадывается.

– Слышал я, о чем ты со своим Жаровым говорил. Детский лепет на лужайке, а не разговор. Я тебе челюсть сломаю, а моих ребят на взятках возьмут… Не знаю, что там за генерал вам помогать взялся, но несерьезно все это.

Все-таки не зря Семен установил контроль над палатой, в которой лежал Алекс. Его пацаны и с медсестрой поработали, и прослушку поставили. Кузов сработал на пять баллов, поэтому Семен и был в курсе всех темных дел, которые провернул Алекс. Более того, он даже позволил его человеку затянуть срок с выплатой денег, чтобы Усыгин успел обескровить свой банк.

– А у меня все серьезно, Леша. Пока ты свои вопросы решал, я с большим человеком договорился. Ты вывел фонды, но сам банк остался. И он может обслуживать бюджетные счета. В самом ближайшем будущем в банк поступит около ста миллионов долларов…

– Сколько?! – потрясенно протянул Алекс.

– И это только начало…

– Ты блефуешь!

Увы, но в чем-то Усыгин был прав. С Евгением Сергеевичем Ганихиным Семен не встречался, ни о чем с ним не договаривался. Но Ганс замолвил за него словечко перед отцом, и тот согласился помочь человеку, который спас от гибели его сына. Более того, за «Позитив-Банк» уже хлопочут. Правда, речь о ста миллионах пока не шла, но ведь Семен имел право немного пофантазировать.

– Нет. Если бы этого не было, я бы не позволил тебе разграбить наш банк. А я позволил. Потому что процесс этот шел под моим контролем. Через Петю Лапкина. Он не такой идиот, как ты, он хорошо понимает, кого можно кинуть, а от кого можно получить за это пулю в лоб… Хочешь пулю в лоб? – резко спросил Семен.

От испуга Усыгин едва не упал в обморок.

– Мне повезло, Леша, – успокоился Семен. – Мне очень повезло. У меня связи в Кремле. На уровне Президента. Кто конкретно, я тебе не скажу, но ты должен понимать, что бюджетные миллионы на счета так просто не падают. Причем валютные миллионы…

– Я тебе не верю, – растерянно пробормотал Усыгин.

– Поверишь. Когда деньги поступят, тогда и поверишь… Я дам тебе знать, когда это произойдет. Тебя это очень обрадует. И на радостях ты вернешь все фонды, которые вывел из банка. Из моего банка… Ты же не хочешь, чтобы тебя обвинили в воровстве?.. Я понимаю – если спать, то с королевой, если воровать, то миллионы. Но ты сам королевой можешь

стать. Армянской королевой. Знаешь, кого так в зоне зовут? Узнаешь, когда кренделя вставят… А ты у нас по этому делу спец. Помнишь, как ты с бомжом зажигал? И братва об этом быстро узнает, когда тебя закроют за мошенничество.

– Ты… Ты… Какая же ты сволочь! – слезно всхлипнул Алекс.

– Я, может, и сволочь. Но я уважаемая сволочь. А ты – чмо. И тюрьма тебя опустит ниже уровня канализации. Можешь в этом не сомневаться… А зона тебе светит. Ты чьи деньги из банка вывел? Ты же народу акции продавал, с людей деньги собирал. Если я шум подниму, тебя, козла, вместе с рогами и копытами сожрут… Чмо ты, Леша, – презрительно усмехнулся Семен. – Но ничего, я уже взялся за твое воспитание. Я сделаю из тебя человека…

Возможно, Ганихин-старший не сможет поднять «Позитив-Банк», но Семен все равно мог рассчитывать на его поддержку в противостоянии с Усыгиным. И если бюджетные деньги до банка так и не дойдут, Семен по-любому вернет фактически украденные фонды. Тогда можно будет забрать деньги и просто-напросто махнуть рукой на разграбленный банк…

– Поверь, Леша, со мной лучше дружить, чем воевать. Ты меня понимаешь?

Подавленный Алекс кивнул. Он уже в загоне, сейчас главное, чтобы его покровители в погонах не вздыбились. А они где-то рядом, следят за ситуацией. Может, потому и не дер-

гаются, что их пугает пока еще не проверенная, но все-таки информация о могущественном человеке из Кремля.

Семен требовал от Алекса вернуть выведенные из оборота фонды, а в этом ничего противозаконного нет. И опасных движений быть не должно. А как только Ганихин заявит о себе в полный голос, Семен снова наедет на Усыгина и потребует долю от его «Позитив-Торга»… Не слезет он с этого слизняка, не даст ему воли…

– Да, и еще… – Семен сложил вместе указательный и средний пальцы правой руки, направил их Алексу в лоб, будто это был пистолет. – Узнаю, что ты снова сел на иглу, – я тебя застрелю!..

Эту угрозу можно принять за дружеский черный юмор. Конечно же, Семена очень заботит здоровье «друга», потому он и припугнул его…

А ведь он действительно может убить Усыгина. И наркотики здесь ни при чем. И пусть Алекс хорошо подумает, прежде чем пуститься в очередную авантюру против него…

Глава 5

Волк – зверь жестокий, но свободный. Может, и не очень нравилось Семену рыскать по каменным джунглям в поисках добычи, загонять в угол жертву, отбиваться от таких же волков, но это его стихия, и он чувствует себя в ней, как орел в небе. Но быть цепным псом – это не по нему. Уж в этом точно никакой радости. Поэтому он с сожалением смотрел на избитого в кровь бугая.

Это чудо виновато было только в том, что посмело оскорбить свою соседку, назвав ее шлюхой. И все потому, что женщина не дала ему на пузырь. А еще он пригрозил сжечь ее дом. Такой вот мелкий рэкет в масштабах дачного поселка. И команда у этого бугая своя – два таких же бездельника и алкаша. И этим тоже досталось, и эти хлюпают разбитыми носами.

– Я бы и сам с ними разобрался, – виновато посмотрел на Семена Ганс. – Просто батя хотел, чтобы ты с ними поговорил…

Это он позвонил Семену и сказал, что какие-то уроды наехали на его мать. Пришлось брать пацанов и ехать в этот поселок, вбивать местным козлам их рога в землю…

– Мог бы и сам, – согласился Семен.

Из этой шарашкиной конторы только бугай что-то собой представлял, а его дружков Ганс мог бы разогнать одной ле-

вой. Потому и чувствовал себя Семен так, как будто его грубо использовали. Волк он, а не пес, чтобы отгонять козлов от хозяйского огорода.

– Сейчас отец должен подъехать, – будто оправдываясь, сказал Ганс.

– Ну, если отец…

– Я мяса привез, шашлычок приготовим.

Он провел Семена во двор дома, где жила его мать. Основательная для дачного поселка фазенда – из белого силикатного кирпича, двухэтажная, квадратов сто пятьдесят полезной площади. Даже газовая труба к дому подведена, значит, здесь и зимовать можно. Дворик небольшой, но аккуратный, не захламленный, грядки огородные за домом.

Маевка уже позади, но праздничное настроение осталось. И Семен совсем не прочь был побаловать себя шашлычком. Можно и под пиво…

Он думал, что увидит здесь мать Ганса, но ее не было.

– А где твоя мамка? – нахмурился он.

Возможно, женщина спряталась в доме, чтобы не видеть «бандитских рож». Есть такие люди – сами кашу заварят, чужими ложками ее расхлебают, а потом в сторону, дескать, они здесь ни при чем, потому что, как белые люди, в черные дела не впутываются…

– Да нет ее. Укатила.

– Куда?

– В Москву… Понимаешь, отец должен подъехать, а мама

с ним в ссоре… Знаешь такое – седина в бороду, бес в ребро?

– Молодуху, что ли, нашел?

– Типа того. Из семьи ушел, а сейчас вернуться хочет. Надоело ему с той сучкой, а с матерью он жизнь прожил. А она его простить не может…

– Обычное дело.

– Ничего, простит… Уже почти простила. Только почему-то уехала. Думаю, это последние взбрыки…

– Это ваши семейные дела, я в них вникать не хочу.

– Да и не надо. Просто сейчас отец подъедет, а ее нет. Расстроится…

– Может, мы с ним как-нибудь в другой раз пересечемся?

– Да нет. Он сегодня с тобой поговорить хочет. Он там с банком все решил, сам хочет тебе об этом сказать. И вообще, посмотреть хочет, что ты за человек…

– Мне тоже интересно, что он за личность.

– Не бойся, не кусается…

– Да я и не боюсь, – огладив лацканы своего пиджака, сказал Семен.

Он предполагал, что может встретиться в этом поселке с Ганихиным-старшим, поэтому сменил кожаную куртку на темно-бордовый велюровый пиджак. И белую водолазку надел под него, и джинсы на нем, вместо спортивных штанов. В общем, вид у Сэма вполне цивильный. И рожа не уголовная, как мог предполагать Евгений Сергеевич.

А своих «быков» он отправил домой на «Волге». Оста-

вил только «Мерседес» с водителем. Там у него «Ремингтон» в багажнике и куча патронов с крупной дробью. Но это так, на всякий случай. Мало ли, вдруг местная гопота захочет взять реванш.

Евгений Сергеевич появился как раз к шашлыкам. К дому подъехал хоть и подержанный, но вполне представительный «Мерседес» черного цвета, из машины вышел высокий худощавый мужчина с густыми седыми волосами. Ухоженный, статный, а очки в тонкой стальной оправе придавали ему элегантность.

Семен остался у мангала, а Ганс направился к отцу, сказал ему что-то, разводя руками. Ганихин-старший нахмурился, но тут же натянул на лицо резиновую улыбку и подошел к Семену. И как полагается старшему, первый протянул ему руку.

– Евгений Сергеевич.

– Семен.

– Виталик рассказывал мне про вас, – разглядывая Семена, сказал Ганихин. – Честно говоря, я представлял вас совсем другим.

– Черная пиратская косынка, череп и кости на ней, повязка на глазу, абордажная сабля в зубах… – с иронической улыбкой продолжил за него Семен.

– Да, примерно так! – засмеялся Евгений Сергеевич.

Он сел за стол, и Ганс подал ему шашлык на шампуре. Ганихин любил сдирать мясо зубами прямо с вертела. И при

этом он совсем не боялся испортить свой дорогой строгий костюм. Семен последовал его примеру. Есть так действительно вкуснее, чем терзать мясо ножом и вилкой.

– Хорошо у тебя получилось, сынок, – с набитым ртом похвалил Ганса отец. – Мягкое мясо, и с ароматом. И на родной даче. Как в старые добрые времена…

– В воскресенье подъезжай, все будет по высшему разряду.

– Обязательно… Виталик, ты бы съездил на станцию; может, мама уже возвращается, встретишь ее…

– Встречу.

Ганс понял, что отец хочет поговорить с Семеном наедине, и оставил их с глазу на глаз.

– Хороший у меня сын, – глядя вслед отпрыску, сказал Евгений Сергеевич. – Только шебутной слишком. И авантюрист по натуре.

– Есть такое.

– Фарцой занялся, а я его уберечь не смог. Не уследил. Да и связей тогда не было, чтобы из тюрьмы вытащить… Зато сейчас и связи есть, и положение. Можно сказать, повезло. Но я-то понимаю, что это не случайность… Виталик мне много про вас рассказывал. – Ганихин пристально смотрел на Семена, так, будто хотел загипнотизировать его. – Не знаю, чем вы его взяли, Семен, но я точно знаю, что вы имеете на него влияние. И для меня это важно. Очень-очень важно. Поэтому я бы и хотел заключить с вами договор.

Заинтригованный, Семен повел бровью, но ничего не сказал.

– Я слышал, что там, в колонии, была неприятная история с так называемыми блатными, – продолжал Евгений Сергеевич. – Решалась судьба моего сына, но вы, я так понимаю, его отстояли, не дали в обиду. Я, конечно, очень вам за это благодарен, Семен. Но я не об этом хотел с вами поговорить. Спасибо вам за прошлое, но меня больше волнует настоящее и будущее. Я вам уже говорил, что Виталик – авантюрист по своей сути, его и сейчас может занести не в ту сторону. Он занимается бизнесом, но боюсь, как бы его не увлекли эти новомодные веяния. Эта пафосная демонстрация своей силы, эти рискованные отношения с коммерсантами с позиции этой самой силы. А он у меня парень смелый, задиристый… В общем, я боюсь, что он снова может вляпаться в нехорошую историю. Ладно, если его посадят, с этим я как-нибудь решу. А если его убьют? Время нынче сами знаете какое? Люди совсем озверели; чуть что, сразу за оружие хватаются…

– Есть такое дело.

– Я так понимаю, у тебя, Семен, своя банда, – Ганихин перешел на более доверительный тон и на «ты».

– Банды нет. Люди есть, а банды нет…

– Ну, может, я не так выразился.

– Оговорились… Мы не бандиты. Просто у нас есть свой бизнес. Мы еще с восемьдесят восьмого года джинсы шили,

куртки. Кооператив, все законно…

– А водка?.. Я знакомился с твоим делом, Семен, знаю, за что тебя посадили. Мне кажется, ты легко отделался. Стрелять в людей из пулемета – и получить всего три года…

– В деле людей не было; были только машины, по которым я стрелял.

– Но люди-то были.

– Блатные нас в оборот взяли, пришлось отбиваться.

– Лихой ты парень, Семен. И Виталик мой такой же авантюрист. Вот я и переживаю за него… В общем, ты можешь и дальше заниматься своим… э-э, бизнесом. Я тебе препятствовать не стану. Даже готов кое в чем помочь. Но с одним только условием. Ты, Семен, должен оградить Виталия от дурного влияния улицы. Я не хочу, чтобы он стал одним из твоих бойцов… Я знаю, он был в твоей бригаде, когда находился в колонии. Но сейчас он на свободе, и я не желаю, чтобы он участвовал в твоих делах. А его тянет в эту трясину; ему нравится ощущать себя, как это говорится, крутым парнем…

– Это неудивительно, – пожал плечами Семен. – У вашего Виталика сильный характер. И сам по себе он сильный человек.

– Я это знаю, потому и боюсь за него. Потому и хочу, чтобы ты взял над ним шефство. Хочет быть крутым – пожалуйста, пусть им будет. Пусть красуется перед тобой, пусть говорит на этом дурацком жаргоне… Пусть называет себя

горшком, только в печь ему не надо. Ты меня понимаешь?

– Понимаю. И в свои дела его втягивать не стану. Если ему это нравится, пусть чувствует себя крутым. А ему это нравится. И с моими ребятами ему нравится общаться… И еще он хочет, чтобы мы его защищали. Бывают такие случаи, как сегодня. Кто-то мать оскорбит, кто-то самого за грудки схватит или еще что-то в этом роде. Пусть Виталик мне звонит, всегда подъедем… Или у вас вдруг случай возникнет. Не всегда же можно в милицию обратиться, да?

– В милицию? – подтрунивая, засмеялся Ганихин. – Ты всегда так говоришь? Или только со мной?

– У нас, конечно, свой язык. И милиционеров мы называем ментами. Или полицаями. Или даже мусорами. Но со своими я нормальный пацан. А с вами я – нормальный человек. И говорю с вами нормально, потому что уважаю вас. Вы же не хотите, чтобы я ботал с вами по фене?

– Спасибо, не надо.

– Да и не блатной я, чтобы по фене ботать. И не бандит. Бизнес у нас свой. И мы его защищаем… И Виталика вашего под опеку возьмем, чтобы ему было на кого опереться. И чтобы в дурную историю не влез…

– Нравится мне, Семен, как ты говоришь, – кивнул Евгений Сергеевич, испытывая удовлетворение. – И как ты рассуждаешь, тоже нравится. Ты, правда, больше на бизнесмена похож, чем на бандита… Кстати, если не секрет, откуда у тебя банк?

– Какие от вас могут быть секреты? Тем более что вы сами все узнаете. Или уже знаете?

– В общих чертах…

– Мы с Усыгиным давно уже работаем. Он помог нам хозрасчетный центр научно-технического творчества открыть, мы ему помогали с деньгами. С защитой. У него с люберецкими проблемы были, потом солнцевская братва его прижала… В общем, он мне половину банка по справедливости отписал…

– В подробности вдаваться будем? – с подковыркой спросил Ганихин.

– Если честно, подробности темные. Такие же темные, как сам Усыгин. Он мою невесту на иглу посадил, а потом в притон отправил… Как вы думаете, мог я ему это простить?

– Такое не прощается, – недолго думая, ответил Евгений Сергеевич.

– Вот и я так считаю… Усыгин мне свою половину в банке отдал, а потом из этого банка пустое место сделал. Я ту пустышку и подобрал. Там все работает, можно бюджетные средства обслуживать. Со зданием бы проблему решить, хотелось бы в собственность оформить…

– Хорошо, и с этим поможем. И банк твой поднимем… Сам будешь банком заниматься?

– Нет. Там для этого человек есть. У него финансовый институт за плечами, опыт работы в Госбанке. А у меня для этого образования не хватает… Думаю повышать свой уро-

вень.

– Как?

– Институт я не потяну, но можно на курсы бухгалтеров записаться… А может, и с институтом получится. Я же когда-то учился в физкультурном. Ничего, получалось…

– Если очень захотеть, то все получится – и с институтом, и со всем остальным. Главное, чтобы у тебя с Виталиком все получилось, и он в дурную историю не вляпался, да под пулю не попал. А с бизнесом я тебе помогу… И если вдруг с этим Усыгиным проблемы возникнут, мне позвони. Он же пытался давить на тебя через высоких людей? – с иронией улыбнулся Ганихин.

– Было такое.

– Если надо будет, я поговорю с этими людьми. Конфликты нам не нужны. Или я не прав?

– Не нужны, – уловив ход мысли собеседника, кивнул Семен. – Серьезное дело любит тишину.

– Правильные слова, – покровительственно проговорил Евгений Сергеевич. – Лишь бы они с делом не расходились…

– Непростая задача. Время нынче шумное. На тебя наорали, ты наорал. Гром гремит, земля трясется…

– Я тебя понимаю. И если вдруг ты где-то нашумишь, никому обо мне ни слова. И напрямую никогда не звони. Все через Виталика.

– И я вас понимаю, Евгений Сергеевич. Если мы свои лю-

ди, то я вас никогда не подведу. И не предам.

Ганихин улыбнулся плотно сомкнутыми губами. Он не хотел, чтобы Семен считал его своим человеком. Себя он считал небом, а его – землей. Но при этом понимал, что для своих грязных делишек ему надо будет время от времени спускаться на грешную землю. А делишки эти есть. И еще будут. При всей своей респектабельности и благовидности Евгений Сергеевич не принадлежал к числу альтруистов, что служат своему Отечеству бескорыстно. Нет больше социализма, нет классовых идей, моральных кодексов – есть только Золотой Телец, на которого молятся служители дикого капитализма. Потому и братва чувствует себя вольготно, что все верховные деятели заняты сейчас тем же – брать все, что плохо лежит, и делать на этом деньги. Только масштабы там совсем другие…

Глава 6

Семен любовно погладил приклад автомата. Как будто грудь любимой женщины приласкал.

– Вещь!

– Не то слово! – расплылся в улыбке Харитон.

Он и квартиру под арсенал снял, и оружие через люберецких пацанов раздобыл. Шестнадцать автоматов, тридцать восемь пистолетов «ТТ», четыре снайперские винтовки, два ящика гранат «Ф-1», цинки с патронами. Что называется, мечта осуществилась. Страшная мечта, для страшного времени.

– Чтобы ни одна живая душа не знала!

– Понятно, – нахмурился Харитон. – Дело серьезное; если менты накроют, шуму будет…

– В том-то и дело, что шум поднимут. И тебя закроют… Или ты думаешь, что я всю вину на себя возьму?

Семен сам стрелял из пулемета, сам и вину за это на себя взял. Но признался он в содеянном только потому, что не хотел пацанов своих сдавать. Если бы тогда, три с лишним года назад, менты стали бы под него копать, многих бы за самопальную водку закрыли. Но Семен во всем признался, и менты успокоились… Надо будет, он и сейчас возьмет общую вину на себя. Но за стволы, если вдруг что, ответит Харитон. Потому что ему это дело поручено.

– Да нет, я сам… Но лучше без этого.

– Вот и сделай так, чтобы никто ничего не узнал. Ключ у тебя пусть хранится и у Ветряка. А Ветряк на телефоне должен жить, чтобы всегда на связи. Если вдруг что, стволы подвезет…

– Машина ему нужна, если такое дело…

– Будет машина, – кивнул Семен. – Все будет… Надо бы пацанов в лес вывезти, чтобы постреляли… Ты же в армии не служил, и Кузов не служил. И вам надо потренироваться, и остальным…

– Когда?

– Ну, не сегодня, это точно… Поздно уже, домой пора.

Сегодня утром Семен был в банке, куда поступили первые бюджетные деньги. Он имел более чем смутное представление о том, что с ними делать, но Лапкин постарался ему объяснить. Ситуация немного прояснилась, но ликбез еще не закончился, поэтому завтра он снова отправится в Москву.

На обратном пути он заскочил на завод, в главном здании которого можно было открыть ресторан или швейный цех. Но, скорее всего, там будет магазин бытовой техники. Причем братва в это дело не вложит ни копейки. Ревень нашел бизнесмена, который возьмет у него свободные площади в аренду. У него, а не у заводского начальства. Грубо говоря, Ревень отдаст за эти помещения копейку, а возьмет две. Это ли не прибыль? К тому же торговый салон можно взять под свою крышу. И это деньги… Курочка по зернышку, а Семен

по копейке – так и миллионы наклюет…

Потом была изнурительная тренировка, спарринги, теперь вот стволы, без которых сейчас никак… День уже давно закончился, а он все на ногах. Пора бы и на покой…

У Семена свой банк с большими перспективами на будущее, а он снимал квартиру. Но жаловаться грех. Во-первых, он живет с самой прекрасной женщиной на свете. А во-вторых, есть у него своя квартира, причем в Москве. Правда, там сейчас живут его родители и сестра, но это неважно…

Желток подвез его к дому, легко вытолкнул свое могучее тело из машины, вытащил из багажника дробовик и зашел в подъезд. Мало ли какая там беда притаилась. Хорошо, дом трехэтажный – высоко ему подниматься не пришлось.

Желток вышел из подъезда, и только тогда Семен выбрался из машины. Можно было бы ствол у Харитона взять, но пока ему ничего особо не угрожает. Коля Фугас потух, как спичка. Трусливый Алекс на убийство не способен. А других врагов у него в Москве еще нет. Так что ствол ему пока не нужен. А на всякий случай есть мощный кулак и заточка в рукаве.

– Все нормально? – спросил Семен у водителя.

– Да вроде, – пожал плечами парень.

– А чего так неуверенно?

– Да там дверь в квартиру была открыта. Мужик там какой-то…

– В какую квартиру дверь?

– На третьем этаже, как раз над тобой, Сэм… Я голову сунул, смотрю мужик на кухне, в окно смотрит… Весь из себя такой, одеколоном пахнет. Как будто намылился куда. Я к нему, он ствол увидел, зашугался…

– А ты хотел, чтобы он на тебя с кулаками бросился?

– Да нет. Просто он мне не понравился. Темно в квартире, а он в окно смотрит. И дверь почему-то открыта. Может, он тебя ждал? Или ждет…

– Тогда бы он видел, что ты в подъезд с ружьем зашел, и закрылся…

– Да? Тогда почему он не выходит? Он же куда-то собрался… Может, пойти глянуть?

Желток разволновался так, что передернул затвор дробовика. Семен инстинктивно поймал вылетевший патрон.

– Ты что делаешь?

– Да это я так… Надо бы сходить, посмотреть.

– Ну, пошли. А то не успокоишься…

Они поднялись на третий этаж, Желток отдал Семену ружье, а сам тронул за ручку двери подозрительной, как ему казалось, квартиры.

– Смотри, закрылся уже, – поморщился Желток и нажал клавишу звонка.

Дверь открыл мужчина лет тридцати. Чернявый, голубоглазый, холеный, но не женственный – из тех, кто нравится женщинам. И одеколоном от него действительно пахло, да так, что Семен даже с расстояния чувствовал запах. Толь-

ко не было уже никакого костюма. В семейниках он был и в майке.

Заметив помповик в руках Семена, молодой мужчина поспешил закрыть дверь, но Желток подставил ногу.

– Слышь, мужик, не дергайся. Ты по делу скажи, кто ты такой?

– Человек я, – ответил тот, растерянно глядя на Семена.

– Понятно, что не жаба. Хотя кто его знает… Ты здесь живешь?

– Да, как видите.

– Что-то я раньше тебя здесь не видел.

– Я снимаю квартиру. Недавно въехал.

– Не нравишься ты мне, мужик, – покачал головой Желток. – Левый ты какой-то…

– А почему я должен вам нравиться? – возмущенно протянул чернявый.

Он явно жалел о том, что открыл дверь. А ведь мог этого не делать. И ментов мог вызвать. Если он, конечно, действительно жил здесь на законных основаниях…

– Потому что мы братва. Потому что мы здесь всех держим. И тебя за яйца возьмем, если не свалишь отсюда.

– Хорошо, я подумаю.

– Думай, думай. Но чтобы завтра тебя уже здесь не было. Ты меня понял?

– Да.

Желток застращал мужика, но все равно с недовольным

видом почесал затылок, когда за ним закрылась дверь.

– Ну, не нравится он мне…

– Давай, домой поезжай. И мне уже пора…

– Да нет, я в подъезде побуду. Ну, мало ли что… Сэм, ты бы позвал кого, мы этого дятла труханем. Может, у него «плетка» где припрятана. Если ствол есть, точно, киллер…

Семен кивнул. Иной раз и палка может выстрелить, а тут какой-то целый мужик – непонятно откуда взялся, живет на съемной квартире, за ним из окна наблюдал. И хорошо, что Желток им так озаботился.

Желток снова собирался наехать на мужика, обыск у него дома устроить. А это беззаконие. Могут менты подтянуться. Но Семена подобный оборот дела не пугал. Давно уже пора местных мусоров построить, чтобы жить спокойно не мешали. Приручить, прикормить, выдрессировать. Поселок не маленький, и коммерческие точки в нем, и заводы вокруг – в общем, есть чем заниматься в своей вотчине. И работа уже идет.

А еще Семен хотел ходить по своему поселку широким хозяйским шагом, чтобы «плетку» можно было носить за поясом, не опасаясь за последствия. И чтобы майор Каримов с ним на «вы» и шепотом… Хотя нет уже этого мента, который Семена под статью подвел, – в родные края после развала Союза подался, куда-то в Среднюю Азию. Но ведь кто-то же занимает должность начальника уголовного розыска, и с этим ментом надо работать. И начальника всей местной ми-

лиции тоже надо прикормить. Тогда не придется сами вламываться в дом к подозрительным гражданам. Пусть менты этим занимаются…

Жизнь в подвале на Линейной улице не стихает даже ночью. И охрана там, и дежурный экипаж из четырех человек. И связаться с ним не проблема. Можно позвонить из квартиры, а можно – выйти на связь прямо из машины. И у Семена радиостанция в «Мерседесе», и в дежурной машине такой же вариант, и в подвале. Спасибо Усыгину, он с этим делом в свое время помог. Его центры научно-технического творчества молодежи не только торговали налево-направо, но и название свое нет-нет да и оправдывали. Были там умельцы, которые сваяли для волынской братвы коротковолновые радиостанции. Хоть и не маленькие они по своим габаритам, зато надежные. И «жучков» эти ребята напаяли. Так, для разнообразия. Но именно на этой прослушке и погорел Усыгин. На собственной же мине подорвался…

Семен не стал спускаться в машину, позвонил в подвал из дома. И только потом подумал, что неплохо было бы установить «жучка» в подозрительную квартиру… Но если там и впрямь обосновался киллер по его душу, то с кем ему разговаривать? Задачу он получил, и со своим заказчиком он может связаться после того, как выполнит работу. Только Семену тогда от этого будет ни холодно ни жарко. Говорят, на том свете температура комфортная, такая, чтобы спокойно спать вечным сном…

Наташа принимала душ, когда Семен зашел в дом. Он позвонил в подвал, вызвал экипаж. Пусть Желток и Юрчак сами во всем разбираются, не маленькие они, чтобы за ручку их водить. А ему отдыхать нужно. Завтра надо к директору кабельного завода ехать, на охрану его брать, а это дело хлопотное, из серии «Отчего бабушка умерла». Мухоморов бабушка наелась. А почему синяк у нее под глазом? А есть, сынок, не хотела… Возможно, и синяки завтра будут. И черепно-мозговые травмы. Хотя, конечно, лучше обойтись без них.

В доме порядок, все по местам, на подоконниках ни пылинки. И ужин готов – картофель с мясом в утятнице. Наташа не могла знать, когда он точно вернется домой, потому и томился ужин в духовке.

Сэм не стал ее дожидаться. Она следит за фигурой, поэтому вообще не ужинает, а Семену есть охота. Он же прекрасно знал, что это такое, если Наташа заперлась в ванной. На час минимум. Наверняка она слышала, что он вернулся домой. Значит, пока волосы не высушит, вечерний макияж не наведет, из ванны не выйдет.

Не нужна ей косметика, она и без нее прекрасно выглядит. Сэм много раз ей это объяснял, и девушка всегда с ним соглашалась. Но без макияжа к нему она не выйдет. Хоть чуточку, но глаза должны быть подведены, и губы подкрашены.

Семен поужинал, освежился бутылкой холодного пива и уже потянулся за второй, когда появилась Наташа. Волосы

высушены, мягкими светло-русыми локонами струятся по плечам, ресницы подкрашены, на сочных губах поблескивает помада. Улыбка такая же милая и нежная, как она сама…

Сэм подошел, обнял одной рукой, привлек к себе, поцеловал в щеку. Чистыми волосами от нее пахнет и желанным телом – завораживающий запах. Халат на ней шелковый, короткий, и белье под ним не прощупывается. А полы раздвигаются легко… Устал Семен за день. Ему бы лечь сейчас и не подниматься до самого утра. Но Наташа почувствовала силу его желания, загадочно улыбнулась и еще плотней прижалась к нему.

А потом вдруг она оказалась у него на руках, и Семен, будто смерч, швырнул ее к самому потолку и вместе с ней рухнул на кровать в спальне. Они замерли, как по команде. Легкий шорох, тихий вздох – только это нарушало тишину. Затишье перед бурей. И снова ураган, шторм, скрип кровати…

И вдруг над головой что-то громыхнуло. Как будто слон ворвался в посудную лавку и опрокинул шкаф.

– Что это? – спросила Наташа.

– Братва гуляет, – усмехнулся Семен.

– Братва? Над нами? – удивилась девушка.

– А что, над нами не может быть братвы?

– Да нет, может… А что там делают ребята?

– Сейчас гляну.

Пришлось подниматься, влезать в спортивный костюм,

выходить из квартиры. Вдруг Желток мужика там грохнул.

Но нет, жив мужик. У стены стоит, а Юрчак его обыскивает. Дверь в квартире висит на одной петле, замок вырван. Видно, ее открывали ударом ноги. «Маваши» у Желтка что надо. Он и бронированную дверь высадил бы.

Шоу только начиналось, и Семену здесь пока делать нечего. Он повернул назад – пусть без него разбираются. А то еще менты нагрянут, повяжут, в кутузку оформят. Уж лучше пацанов своих оттуда вытаскивать, чем самого себя… А так, возможно, и будет. И скорее всего, завтра ему придется не с директором завода иметь дело, а с начальником отделения милиции. Но это будет завтра…

– Что там? – спросила Наташа, когда он снова лег к ней.

– Да дверь высадили. Обыск у мужика.

– У какого мужика?

– Да хрендель тут какой-то над нами. Квартиру снимает. А зачем снимает? Вдруг киллер?

– Киллер?!

– Ну, всякое может быть. Жизнь нынче интересная. Из автомата могут посечь или бомбу под машину сунуть. А еще потолок могут проломить. Мы тут лежим, а тут раз – и дыра над нами. А оттуда граната…

– Граната?! – еще больше разволновалась Наташа.

– Боевая. Ба-бах! И мы уже на небесах…

– Ты это серьезно?

– А что, на небесах сейчас хорошо. Там коммунизм не

отменяли. Сидишь себе на облаке с золотой арфой и плюешь с высоты. Хотя плевать можно и без арфы. Как ты думаешь?

– Я думаю, что у тебя шутки дурацкие.

– Шутка не шутка, а если на небеса вместе с тобой, то я согласен. Вместе на облаке сидеть будем. И лежать… Как думаешь, на небе секс есть?

– Да ну тебя! Я с тобой серьезно, а ты мне тут глупости вправляешь.

– И я с тобой серьезно. Мне бы с тобой на небе хорошо было бы.

– Разведут нас на небе. Ты на одном облаке будешь, я на другом.

– Это почему?

– Потому что невенчанные мы…

– Так в чем проблема?

А проблема была. Семен любил Наташу, потому и Алекса ей простил, и Нахрапа. И живет с ней как с женой. Только прошлое не дает ему покоя, так и сидит занозой в глубине души; может, и не колется, но свербит, чешется. Может, Наташа и не виновата в том, что подсела на иглу и втянулась в тяжкие грехи, но все-таки не уверен он в ее надежности. Потому и не ведет ее под венец. А она хочет замуж. И за Усыгина хотела, и за Нахрапа, наверное, тоже.

– Проблема в тебе… – вздохнула девушка. – Но ты не думай, я все понимаю. Просто нужно время, чтобы ты успокоился… Если оно будет, это время.

– А что, может и не быть?

– Может и не быть. Если граната на кровать свалится.

– Не свалится. Сейчас пацаны этого гренадера тряхнут…

– И что?

– Если есть ствол, то… То разговор будет очень серьезный.

Судя по тому, как шумели наверху, обыск шел полным ходом. Голосов не слышно, но диван уже с места на место передвинули, кресло переставили, на пол что-то упало.

– А если он случайный человек? Он же может быть случайным человеком?

– Скорее всего, так оно и есть. Но как говорится, доверяй, но проверяй…

– А тебе кто-то угрожает?

– Ну, мало ли. Может, Усыгин твой киллера организовал.

– Во-первых, он не мой. А во-вторых, он только на мелкие пакости способен.

– Даже лох, загнанный в угол, может укусить. А он не совсем лох, если с бизнесом на «ты». И чекисты на него работают… А главное, он меня ненавидит…

– Не хочу о нем говорить, – поморщилась Наташа. – Противно.

– То же самое, – кивнул Семен.

Можно было бы решить проблему с Алексом кардинально. Но, во-первых, он вернул в банк еще не все деньги. А во-вторых, работа с ним обещала хорошие поступления в об-

щак. Так что глупо резать Рябу, несущую золотые яйца. Но присматривать за этой курицей надо. Хотя делать это непросто. Усыгин обосновался в новом офисе, окружил себя охраной, и на прослушку его так просто не поставить…

– Я боюсь за тебя, – грудью прижавшись к локтю Семена, сказала Наташа.

– А за себя?

– И за себя тоже… Эти разборки, эти киллеры… Ты бы мог просто заниматься бизнесом, как тот же Алекс.

– Я и так занимаюсь бизнесом. Но без разборок нельзя, потому что я не лох. Потому что я никому не собираюсь платить за крышу.

– Страшная у тебя жизнь. И опасная… Как бы у тебя мания преследования не развилась. А то еще во мне киллера увидишь.

– Глупости не говори.

– Но на людей уже бросаешься.

– Это издержки производства.

– А если милиция?

– Разберемся.

– А если нет? Если тебя посадят?

– Ничего, и в тюрьме живут… Хочешь сказать, что ждать меня не будешь?

– Нет, не хочу я этого сказать. И ждать буду.

– Тогда в чем проблема?.. Спать давай, – зевнул он.

Он уже засыпал, когда в дверь тихонько постучали. Это

был Желток.

– Сэм, все в порядке. Ничего у него там нет. А завтра съедет…

– Дверь на место поставьте. И спокойной ночи!

Больше Семена не тревожили, и он наконец-то смог заснуть.

Бессонницей Сэм не страдал. Проблем у него много, со временем будет еще больше, и если принимать их близко к сердцу, то можно стать неврастеником. И что это за жизнь, если он потеряет сон из-за страха за свою шкуру?

Глава 7

Алекс закусил губу, в отчаянии глядя на Сэма. Это действительно не человек, а монстр какой-то. Кошмар на улице Вязов. Но если ужасный Фредди Крюгер является к своим жертвам во сне, то этот приходит к ним среди дня. И ночью он снится в кошмарных снах, не давая выспаться…

– Ну чего тебе надо? – хнычущим голосом спросил Алекс, глядя, как тот усаживается в кресло за приставным столом.

Не смог Жаров остановить его на входе. Потому что боялся его. Ведь Сэм не один, с ним эти ужасные «быки» в кожаных куртках. Эти ублюдки могли раскидать всю охрану, досталось бы и самому Жарову. А оперативников из своей бывшей конторы он подключить не может, и спецназ ему не поможет, потому что генерал Нефедов уже не хочет связываться с Сэмом. Позвонили ему из Кремля, попросили оставить в покое гражданина Купчинова.

Вячеслав Павлович уже узнал, откуда у Сэма столь высочайшее покровительство. Оказывается, он срок мотал вместе с сыном этой вельможной персоны и был в очень хороших с ним отношениях. И теперь этот сынок требует от папочки помощи. Может, папочка и злится, может, не хочет помогать Сэму. Но бюджетные деньги в банк пришли. И генерал Нефедов получил вежливое предупреждение…

Алекс мог бы поднять вопрос, почему господин Ганихин

помогает уголовному дружку своего также небезгрешного сына? И что это за сращивание власти с криминалом?.. Но у него есть свои покровители в тех же верхах. Все они друг друга не жалуют и того же Ганихина, возможно, не прочь сожрать. Но это они могут воевать между собой, а Усыгин для них чужой, и если он пойдет против кого-то из своих, на нем тут же поставят крест. Бизнес он свой, может, и не потеряет, но перспективы развития покроются мраком.

Знал Жаров, почему Сэму так повезло с покровителем. Но больше никакой пользы от этого подполковника нет. Так зачем вообще держать его в своих замах? Зачем платить ему деньги?..

– Кошелек или жизнь? – весело спросил Сэм.

Со стороны могло показаться, что это шутка у него такая. Но Алекс знал, что ему действительно нужен кошелек. В обмен на жизнь.

– Я же все вернул. За все рассчитался, – вздохнув убито, проговорил Алекс.

– А чего такой невеселый? Смотри, какой у тебя кабинет – не хуже, чем в банке. И дела в гору идут. Или нет?

Сэм был весел. Не похож он на кровожадного монстра, но Алекса не обмануть. Он знал, какой волчара скрывается под этой лисьей шкурой.

– Ну, куда-то они идут…

– Дела могут идти вверх или вниз. Или в гору или под откос. А на месте будешь топтаться, все равно собьют с ног

и опустят… Я тебя опустил. Но ты хоть и пидор, но все-таки человек дела. И снова поднимаешься… Кстати, кокаинчиком не угостишь?

Усыгин снова закусил губу. На этот раз до крови. Сэм в самую точку попал. Как бы хотел сейчас Алекс вдохнуть в себя кокс, чтобы спастись от тревог и страхов…

– Нет!

– А сам?

– Нет!

– Браво! Тебе бы еще спортом заняться. Приезжай к нам в подвал, я тебе пацана толкового дам, он из тебя бойца сделает…

А на самом деле неплохо было бы поразмяться в подвале. Тягать железо, молотить груши, вспотеть так, что хоть футболку выжимай. А потом с толковым пацаном пойти в душ, потереть ему спину…

Алекс завибрировал от возмущения. Сэм на голову сел, удила в рот вставил, вожжи натягивает, а его вдруг на эротические фантазии потянуло. Да еще какого свойства…

– Ужас! – вскрикнул он.

– Почему это ужас?

– Ужас… Ужас у тебя в подвале… – дрожащим голосом проговорил Усыгин. – Я был там. Ты издеваешься! Я помню… Я хорошо помню, что ты со мной там сделал… Я тебя ненавижу! Я тебя презираю! А ты набираешься наглости приходить ко мне издеваться!

– Ну, то, что ты терпила по жизни, это правда, – чуть ли не ласково проговорил Сэм. – А на терпилах ездят, если ты не знал. Но я не издеваться пришел. Я пришел сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

– Все твои предложения – это сплошное издевательство.

– Это чисто деловое предложение. Вот скажи, тебя душит жаба, что ты банк мне свой подарил? Душит. Еще как душит! А меня совесть мучает. За горло совесть берет. Вот я и боюсь, как бы она меня не вздернула. Потому я и предлагаю заниматься «Позитив-Банком» совместно, на партнерских, так сказать, началах…

Усыгин скривился в ожидании подвоха. Ненавидел он Сэма, но ведь у них это взаимно. Потому и приходится ждать, что он подложит свинью.

– Я предлагаю тебе сотрудничество, Алекс. И беру на обслуживание твои счета. Вот видишь, как я хорошо все придумал. Ты заводишь счет в нашем банке, мы с ним работаем.

– Спасибо, не надо.

– Надо, Леша, надо. Деньги ты должен держать у меня. Все деньги, – с милой улыбкой, но с леденящим холодом в глазах смотрел на Усыгина бандит. – Твои активы будут прокручиваться через мой банк, и я буду за ними следить. Чтобы быть в курсе твоих финансовых дел. Чтобы снимать с тебя точно тридцать процентов от прибыли…

– Тридцать процентов?! – ужаснулся Усыгин.

– Да, за обслуживание твоих счетов. Все законно, и ника-

кой генерал из органов не придерется… Пусть твои генералы остаются в темноте, а мы станем с тобой работать. И наше сотрудничество будет простираться далеко-далеко. Взаимовыгодное сотрудничество. Да ты сам посуди, какая это для тебя выгода. Деньги я буду брать только за обслуживание счетов, а охрана – совершенно бесплатно. Ты походи по рынку, поспрашивай, у кого из бизнесменов есть бесплатная охрана. Да ни у кого! А у тебя будет… Да, и чекиста своего ты можешь уволить. И охранников тоже. На всех твоих объектах будут работать мои ребята. Если тебя смущают кожаные куртки, я могу позаботиться о строгих костюмах… Кстати, тебе костюмчик не нужен? Наши девочки ателье открыли, костюмы шьют лучше всяких фирм…

– Спасибо, как-нибудь сами, – сквозь зубы процедил Алекс.

– Ну, не надо так не надо. Но если вдруг что, я их пришлю к тебе в морг, пусть мерку снимут. Костюмчик тебе пошьют без карманов и рубашку без спины. И даже белые тапочки… Может, прямо сейчас мерку снять?

– Хватит!.. Хватит издеваться надо мной! – взвизгнул Алекс.

– В морду хочешь? – спросил Сэм.

Усыгин вздрогнул, как от пощечины.

– Нет!

– Тогда отвечай, да или нет? – замораживающим взглядом уставился на Алекса бандит.

– Тридцать процентов – это много!

– Я спрашиваю, да или нет?

– Но тридцать процентов…

– Да или нет?

– Да! – не выдержав напряжения, согласился Алекс.

– Отлично. Завтра к тебе подъедет юрист и экономист, обсудишь с ними, как все это провернуть. А охрану я выставлю, как только Жаров твой исчезнет…

Усыгин обессиленно закрыл глаза. Поимел его Сэм, как Тузик тапку, а потом еще и на ногу надел, да в грязь наступил… Юриста он пришлет и экономиста. А ведь на самом деле пришлет. Вон как Петя Лапкин на него работает, в рот ему заглядывает. Пытался Алекс поговорить с ним о делах, так тот его даже слушать не стал. Потому что Сэм на него мог разозлиться. И убить, как предателя. Умеет он работать с людьми, подчинять их себе…

Когда Усыгин открыл глаза, Сэма в кабинете уже не было. Растаял, как ночной кошмар. Но, увы, он приходил к нему наяву. Пришел, опустил и был таков…

Утром следующего дня Алекс ждал юриста и экономиста, поэтому не очень удивился, когда к нему в кабинет зашли устрашающего вида качки в кожаных куртках. Сейчас они проверят, все ли в кабинете в порядке, и тогда уже появятся специалисты…

Но последним в кабинет вошел рослый, крепкого сложения парень с массивной головой и широким лицом. Насто-

ящий бугай. Но при этом он совершенно не уродлив, как его дружки. Скорее наоборот. Роскошные черные волосы, загорелая, но вовсе не грубая кожа, черты лица тяжеловатые, но при этом изысканные, как у аристократа. Небольшие, но красивые глаза черной и бездонной глубины, правильной формы нос, немаленькие, четко очерченные губы… Усыгин вдруг поймал себя на мысли, что смотрит на него как на женщину. Да и парень, похоже, понял это.

– Слышь, мужик, с тобой все в порядке? – глумливо хохотнул он.

А голос у него грубый, неприятный. И сам он вдруг стал омерзительным… Хотя у него еще есть шанс исправиться. И Алекс хотел, чтобы он его использовал. Этот шанс…

– Со мной все в порядке. А с вами? Кто вы такие?

До него вдруг дошло, что эти бандиты пришли сюда по собственной инициативе. Никакой Сэм их сюда не присылал.

– Солнцевские мы. Делавар я, ты должен был про меня слышать, – уверенно заявил громила.

– Про солнцевских я слышал. А теперь и про тебя услышал… Делавар, говоришь?.. Индейцы такие были, да?

Алекс понял, на кого был отдаленно похож этот парень. На Гойко Митича, который снимался в «американских вестернах» производства ГДР. Главный Чингачгук Советского Союза…

– Ага, индейцы, – кивнул Делавар. – С томагавками. За

клоунами охотились. Будешь клоуном?

– Нет, спасибо, – улыбнулся Алекс.

При всей своей внушительности этот парень не производил столь устрашающего впечатления, как Сэм. Хотя мужественность в нем бьет через край. И бойцы у него не хуже, чем у Сэма, – во всяком случае, на вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.